
Валерий Черных
Порченый
18+

Валерий Черных

Порченый

«Автор»
2026

Черных В.

Порченый / В. Черных — «Автор», 2026

Марк Градов — человек, у которого есть деньги, власть и привычка никому не доверять. Его жизнь давно выстроена как крепость: бизнес, охрана, верный друг Макс и никаких слабостей.Одна ночь в клубе ломает привычный порядок. Марка пытаются похитить, накачать опасным препаратом и использовать как живой ключ к его собственным счетам. Спасает его Кира Каминская — девушка, которая случайно оказалась рядом и слишком быстро стала для него самой важной.Расследование приводит Градова к старым фамилиям, тюремным тайнам и родственникам, о которых он не знал. Горшенин, человек, стоящий за нападением, может оказаться его братом. А настоящая угроза прячется не в подворотнях, а в кабинете респектабельного московского адвоката.Чтобы выжить, Марку придётся разобраться не только с врагами, но и с собственным прошлым. И решить, что для него важнее: кровь, которая связывает случайно, или люди, которых он выбрал сам.

© Черных В., 2026
© Автор, 2026

Валерий Черных
Порченый

Каждого
из нас кто-то пытался сломать.
Вопрос только в том,
удалось ли им это сделать.

ГЛАВА 1

Вся её жизнь была выверена до минуты, как расписание поездов. Подъём в пять утра. Тихий завтрак на кухне, пока дочка ещё спит. Девочке десять, и она давно привыкла оставаться одна. Каша в термосе, записка на холодильнике — «разогрей, я позвоню в обед», ключ на шее, уроки сделать, свет на кухне не выключать.

Потом сначала электричка, затем автобус — почти два часа с пересадкой. К семи она входила в служебный коридор.

Смена — восемь часов, после которых каждый мускул наливается свинцовой тяжестью, а ноги к вечеру гудят так, что она почти перестаёт их чувствовать. Пальцы в трещинах от химии, спина не разгибается, а в голове — чужие волосы в сливе, чужие пятна на полотенцах, чужое мыло, которое она запомнит наизусть.

И наконец — дом. Маленькая, но своя квартира, где её ждали тёплый свет ночника и дочка, давно научившаяся засыпать без мамы, потому что мама всегда возвращалась поздно.

Мать Марии в другом городе, звонит по праздникам, и она давно перестала ждать этих звонков.

В загородном отеле для богатых Мария в совершенстве освоила главное ремесло — быть безупречной невидимкой. Никогда не поднимать глаз на постояльцев. Никогда. Потому что знала: один неосторожный взгляд, одно лишнее слово или неверный шаг могут стоить ей работы.

Каждый номер она могла привести в порядок почти с закрытыми глазами — руки помнили всё. Знала, сколько сил уходит на то, чтобы поменять сатиновый пододеяльник, простыню и наволочки, чтобы покрывало легло без морщинки, чтобы в ванной не осталось ни одного пятнышка от известковой воды, чтобы запах дорогого кондиционера не перебивал чистоту, а лишь подчёркивал её.

Убрав номера, Мария мгновенно растворялась в извилистых служебных коридорах, где пахло хлоркой, влажными тряпками и дешёвым кофе. Она свято верила: эта серая невидимость — её единственная и лучшая защита. Тактика была до смешного простой. Форму она носила на размер больше, чтобы не привлекать внимания к фигуре. Волосы туго стягивала в пучок — ни одной выбившейся пряди. Ходить в мягких стоптанных туфлях научилась так, чтобы шагов почти не было слышно. Даже дышала тише, проходя мимо гостей: опускала глаза, втягивала плечи и старалась стать меньше, незаметнее, будто могла раствориться прямо в воздухе. Помимо уборки номеров следовало не отсвечивать, безропотно выполнять всё, что велят, и бесследно исчезать, едва заканчивалось рабочее время.

Для красивой, беззащитной женщины без связей и денег чужой интерес почти всегда означал беду. Стоило поднять глаза, задержаться на секунду дольше положенного или улыбнуться не тому человеку — и её выверенная, с таким трудом налаженная жизнь могла в один миг полететь под откос.

А Марии никак нельзя было падать. Хрупкое благополучие её держалось на этих усталых, пахнущих хлоркой руках. На изнуряющих поездках до работы, долгих сменах, на стёртых до боли ногах, на бесконечном терпении и умении проглатывать всё, что нельзя было высказать вслух.

Она с трудом нашла эту работу и твёрдо знала: богачи не видят в прислуге людей. Для них она была частью интерьера — вроде дорогого торшера, идеально застеленной кровати или бесшумного пылесоса. Чужой каприз, мимолётная злость, пьяная прихоть постояльца могли разрушить всё за секунду — без объяснений и без права возразить.

Именно поэтому Мария возвела свою безликость почти в культ. Сделала её спасительной бронёй.

Быть прозрачной. Неслышной. Угадывать чужие желания раньше, чем они будут произнесены вслух. Не раздражать, не выделяться, не оставлять после себя следа. Это была её личная стратегия безопасности. Пока тебя не замечают, тебя будто бы невозможно ранить, уволить, растоптать.

Она искренне считала, что, оставаясь невидимкой, сумела перехитрить судьбу и спрятать своё маленькое домашнее счастье в надёжную, укромную щель.

Со временем Мария почти привыкла к роли серой мышки, которой как будто не существует для других. И даже научилась ею гордиться. У неё была работа. Дочка была сыта. Они жили не на улице, не просили милостыню, не зависели от чужой жалости.

И несколько лет эта система действительно работала без сбоев. Пока однажды на парковку гостиничного комплекса с тихим шуршанием шин не заехал чёрный «мерседес» с московскими номерами.

Тот день принёс сокрушительные перемены. В элитный люкс, который обслуживала Мария, заселился Он.

Старшая горничная пробежала по коридору с перекошенным лицом и прошипела:

— Всё бросили, готовим «Президентский». Важный гость из Москвы.

Мария тогда не придала значения. Сколько этих важных гостей она видела за годы работы? Все они были похожи: одинаковые костюмы, одинаковые улыбки, одинаковое чувство собственного величия. Но этот оказался другим. Он будто только что сошел с обложки заграничного журнала: молодой, широкоплечий, с лёгкой небритостью, которая смотрелась нарочито дерзко. Пространство вокруг мгновенно наполнилось ароматом дорогого парфюма — резкого, терпкого, с нотками кожи и табака. Вместе с ним вошла столичная вальяжность, которую не спутаешь ни с чем: привычка занимать всё пространство собой, почти не замечая других.

Мария стояла у кровати, поправляя покрывало, когда он вошёл. Услышала, подняла глаза и замерла: Он смотрел на неё… Взгляд скользнул сверху вниз — от туго стянутых волос до стоптанных туфель — будто примерял, оценивал, решал. А у неё перехватило дыхание и едва не подкосились ноги. Она почувствовала, как кровь прилила к щекам, ладони стали влажными, а пальцы — непослушными. Заставила себя отвернуться, сделать вид, что занята делом, но руки тряслись так, что всё из них буквально валилось.

Этот мужчина был живым воплощением всего, о чём она боялась даже мечтать. Недоступного, далёкого, почти нереального.

Но оказалось, Он тоже был не прочь поближе узнать стройную красавицу в мешковатой отельной униформе. Он начал с мелочей: оставлял неприлично большие чаевые, вызывал её в номер «проверить, всё ли в порядке», задавал вопросы, на которые другие постояльцы никогда не тратили время. Мария ходила как на иголках. Но каждый раз, когда Он смотрел на неё, страхи куда-то исчезали, оставляя только одно желание — быть рядом.

Она и не поняла, как это произошло. Ему даже не пришлось прилагать особых усилий. Она сама шагнула в пропасть, стоило ему чуть приблизиться. Этого оказалось достаточно, чтобы в сердце вспыхнул огонь, который сжёг её без остатка.

Она помнила ту первую ночь в мельчайших деталях: как пахли простыни — свежестью и его парфюмом, как колотилось сердце, как стыд смешивался с восторгом. Она лежала рядом с ним и не верила своему счастью. Она, простая горничная — и этот блестящий, уверенный, недосягаемый мужчина. Ей казалось, что её жизнь только начинается. Он заполнил её жизнь подарками, роскошными букетами, сладкими обещаниями. И она верила. Каждому слову. Каждому жесту. Каждому взгляду.

Гость поиграл с ней неделю. Всего неделю, но Мария запомнила каждый день.

А затем он уехал. Утром, когда Мария пришла на смену, его уже не было. Только смятая постель и записка на тумбочке: «Я вернусь за тобой. Жди».

И она ждала. Ждала с тем глухим упрямством, на какое способны только несчастные люди. Верила, что он позвонит, что приедет. Каждое утро подходила к окну служебного коридора и смотрела на парковку, где когда-то стоял его «мерседес».

Кошмар начался через месяц, когда тест показал две чёткие полоски. Мария выронила пластиковую палочку из рук и долго смотрела на неё, сидя на краю ванны в своей маленькой квартире. Кафель под босыми ногами обжигал холодом, а в голове билась одна мысль: «Только не это. Только не сейчас».

Она плакала так, что не могла дышать. Горло сжималось, по лицу текли слёзы. Она чувствовала себя маленькой, растерянной девочкой, которая не знает, что делать.

Потом бесконечно набирала его московский номер. Трубку брали не сразу, но всё-таки брали. Он говорил спокойно, с лёгкой досадой в голосе:

— Не переживай. Всё будет хорошо. Я приеду.

И снова сыпал сладкими обещаниями. Мария цеплялась за них, как за соломинку. Ждала звонка, ждала его приезда, ждала чуда. А когда сроки подошли к той страшной черте, за которой легальный аборт делать уже поздно, он просто перестал отвечать. Она набирала его номер сотни раз. Сначала надеялась, потом боялась, потом ненавидела. Каждый гудок был как нож: один, два, три — и сброс. Потом и вовсе: «абонент недоступен».

Он вычеркнул её из жизни так же легко, как выбрасывают исписанный черновик. Без сожаления, без оглядки.

Мария сжимала телефон в дрожащих руках. Ей хотелось разбить его о стену, но она понимала: это ничего не изменит. Он ушёл. Исчез. А она осталась одна с этой жизнью внутри — ненужной, невозможной, потому что она ее просто не потянет.

Пытаясь избавиться от беременности и не имея денег на подпольную клинику, Мария втайне от всех начала травить нежеланный плод отваром трав, который научила варить старая соседка. Она была готова на всё, лишь бы избавиться от этого груза.

Она пила отвары ночью, когда дочка уже спала. Стояла у плиты на маленькой кухне, глотала горькую мутную жидкость и держалась за край стола, чтобы не упасть. От запаха трав её тошнило, но она допивала отраву целиком. Мария ненавидела то, что росло внутри неё. Ненавидела это существо, считая его проклятием, тенью того московского чудовища.

Но плод не сдавался. Она чувствовала, как внутри шевелится жизнь — то, что она пыталась убить. Наивная, отчаявшаяся женщина, она не думала о последствиях. Знала только одно: это — напоминание о её слабости, о её позоре, о той неделе, которая перевернула всё.

Ближе к осени, глубокой ночью, её усилия дали о себе знать — но совсем не так, как она рассчитывала.

Мария проснулась оттого, что не могла дышать: живот скрутило резкой, невыносимой болью, внутри словно что-то рвалось, ломалось и крутилось. Она прижала руки к животу, встала, добрела до коридора — и рухнула на пол.

Только тогда поняла: всё пошло наперекосяк.

Мария лежала на холодном полу и чувствовала, как под ней расплывается тёплая и липкая лужа. Хотела подняться — никак. Пыталась закричать — из горла вырвался только хрип.

Дочка плакала в комнате, не понимая, что происходит, потом она выбежала в коридор и застыла в дверях, не решаясь подойти. Ей было страшно оттого, что мама лежит на полу и не встаёт. А Мария не могла к ней подползти. Собрав последние силы, она дотянулась до телефона на тумбочке и дрожащими пальцами набрала «03».

Голос в трубке был спокойным, дежурным, а её собственный срывался на шёпот.

— Бригада выезжает. А вы пока дышите глубже, — говорила диспетчер.

Мария старалась, но чувствовала, как мир сужается до невыносимой боли.

Наконец за окнами взвыла сирена. В приёмный покой городского роддома Марию доставили со стремительными, тяжёлыми родами. Ситуация была критической: острая гипоксия плода, падающее сердцебиение. Дежурный акушер-гинеколог принял решение мгновенно:

— Срочно в операционную! Кесарево. Счёт идёт на минуты!

Младенца буквально выхватили с того света, достав из лона матери в последний момент. Когда акушер перерезал пуповину, мальчик не закричал. Крошечное тельце было пугающе бледным, лёгкие не раскрывались.

— Кислород! Быстрее! Детского реаниматолога сюда! — скомандовал хирург.

Врачи боролись за жизнь новорождённого около получаса: запустили лёгкие, провели интенсивную терапию, согрели под лампами. Малыш задышал — слабо, с хрипом, но самостоятельно. Пожилой врач, стаскивая резиновые перчатки, вынес мрачный вердикт: ребёнок сильно недоношен, лёгкие едва расправились. В общем, не жилец. Вопрос нескольких часов.

Для Марии этот приговор прозвучал как долгожданное избавление. Она подписала отказ от ребёнка прямо в палате, так и не посмотрев на него. Ей хотелось только одного — забыть этот кошмар. Она надеялась, что всё ещё может наладиться, что её ждёт другая жизнь: она уедет, закроет эту страницу, возможно, выйдет замуж. Прошлое останется здесь, в границах провинциального городка.

Мать покинула роддом, а новорожденный, помещенный в кувез, остался в отделении интенсивной терапии. Такие дети редко выживали, но главврач хотела соблюсти формальности, чтобы избежать возможных разбирательств после почти неминуемой смерти. И это могло случиться в любой момент.

Потянулись дни, неделя, другая — а синюшный мальчик продолжал дышать. Он словно насмехался над медицинскими учебниками и врачебными прогнозами. Вес набирал плохо, оставался тщедушным и прозрачным, однако обследования показывали поразительные вещи. Вопреки всему, органы функционировали: сердце стучало ровно, почки работали, а моторика и реакции практически в норме.

Врачи сделали всё возможное. Дальше ему предстояло бороться самому.

Именно тогда, в гулких коридорах роддома, за ним намертво закрепилось циничное прозвище, брошенное кем-то из нянечек — «Порченый». Плод, который старались вытравить, но так и не сумели сломить. С этим клеймом ослабленного, но уже крепко вцепившегося в жизнь ребёнка перевели в Дом малютки.

С этим прозвищем началась его долгая одиссея. Ему предстояло доказать: порченый — ещё не приговор.

В казённых стенах Дома малютки появление малыша в стандартном пластиковом боксе не вызвало ни капли умиления. Местный персонал, привыкший к самым разным отказникам, повидал многое, но этот ребёнок вызывал у нянечек и воспитателей глухое, инстинктивное отторжение. На него действительно было тяжело, почти неприятно смотреть. Худенький, прозрачным заморыш: крошечное, словно иссохшее тельце, тонкие как веточки синюшные ручки и непропорционально большая, тяжёлая голова. Кожа казалась пергаментной, сквозь неё отчётливо проступала сетка мелких вен.

Даже самые сердобольные нянечки, обычно пытавшиеся приласкать обделённых судьбой сирот, смотрели на мальчика с содроганием. Казалось, на нём физически отпечаталась та глухая ненависть, с которой мать носила его под сердцем, и те яды, которыми его пытались вытравить из жизни.

Прозвище, прилетевшее из роддома, приросло к нему намертво. В сестринских, за закрытыми дверями групп, его иначе как Порченым не называли.

— Опять этот Порченый всю ночь не спал. Лежит, уставился в потолок своими глазищами, аж жутко становится, — перешёптывались санитарки, брезгливо меняя ему пелёнки.

Ему не пророчили долгого будущего. Считали, что мальчик задержится здесь ненадолго, угаснет сам собой. От природы не уйдёшь.

Единственным человеком, кто разглядел в этом несчастном существе нечто большее, стала директриса — Вера Николаевна. Женщина строгая, властная, прошедшая суровую советскую школу и повидавшая сотни сломанных детских судеб, она обладала редким даром видеть внутреннюю суть людей.

Когда малыша впервые принесли к ней в кабинет на оформление, она долго молча всматривалась в его бледное личико. Мальчик не плакал. Он смотрел на неё в упор — серьёзно, не мигая, с каким-то взрослым, колючим упрямством.

Вера Николаевна поняла: этот доходяга выжил не просто так. В его хрупком теле горела дикая, первобытная искра.

— Хватит хоронить пацана раньше времени, — оборвала она причитания старшей медсестры. — Прозвище «Порченый» — забыть. Жизнь у него будет тяжёлая, значит, имя должно быть, как щит. Будет Марком. Марк — это молот. Сила. Отчество — Николаевич. Это тебе, малыш, частичка меня. Фамилия… Она задумалась. С фамилией было сложнее. Тут важно не промахнуться.

Директриса думала, глядя в окно. За стеклом бушевала стихия, гремел гром, с неба сыпались градины, звонко ударяясь о жестяной оконный отлив. Она вдруг заметила, как ребёнок тоже скосил глаза и словно прислушался к грохоту за окном.

— А фамилия пусть будет Градов, — заключила женщина. — Ну что ж, Марк Николаевич Градов, добро пожаловать.

Директриса лично вписала имя в документы и взяла судьбу мальчика под жёсткий контроль. Она не просто дала распоряжение заботиться о нём — она сама следила за каждым шагом персонала. Вера Николаевна могла внезапно явиться в группу среди ночи, чтобы проверить, вовремя ли Марку поменяли бельё, тепло ли он укрыт и доел ли положенную по специальной диете смесь. Нянечки, панически боявшиеся гнева заведующей, были вынуждены ухаживать за Порченым со всей тщательностью — стиснув зубы и переступая через своё отвращение.

Марка кормили строго по часам, массировали тонкие ручки и ножки, кутали в самые тёплые одеяльца. Директриса доставала для него дефицитные смеси и лучшие витамины через свои связи в областном здравотделе. Забота персонала, пусть и вынужденная, дала плоды. Марк оставался худым и бледным, его внешность по-прежнему заставляла нянечек тяжело вздыхать, но он упрямо цеплялся за жизнь. В то время как другие, куда более крепкие с виду младенцы часто сдавались перед первыми же простудами, Марк переносил инфекции на удивление легко. Его организм, однажды переборовший ядовитые отвары, словно выработал мощный иммунитет к внешним угрозам.

Он рос тихим ребёнком, почти никогда не плакал и часами мог спокойно разглядывать свои пальцы, в которых уже угадывалась неожиданная, хваткая сила. Он жил и крепчал назло всему.

Но всё имеет свой конец. В четыре года, вместе с ещё тремя детьми, Марка погрузили в жёлтый микроавтобус и повезли в детский дом-интернат. Дом малютки остался за окном.

Автобус тронулся, и мальчик прижался лицом к холодному стеклу, провожая взглядом знакомые стены.

Он ещё не знал, что ждёт его впереди. Вместе с исчезновением ставших родными стен из его жизни ушла и Вера Николаевна. Защитный купол, который эта добрая и властная женщина упрямо держала над ним все эти годы, растаял без следа.

Первое время было еще терпимо. Младшая группа интерната существовала в режиме обычного детского сада. К приёмышам относились неплохо: воспитательницы попались не злые, кричали редко, разве что по делу. Вот только еда здесь была заметно хуже, чем в доме малютки: каши казались безвкусными, а суп — жидким, почти прозрачным. Но Марк никогда не капризничал. Он только долго не мог понять, зачем его сорвали с привычного, тёплого места и привезли в огромный корпус, пахнущий сыростью и побелкой. Он считал Дом малютки своим настоящим, единственным домом и искренне верил, что нынешний перевод — какое-то суровое, несправедливое наказание.

«Я ведь вёл себя хорошо. Почему от меня отказались?» — думал он по ночам, лежа на жёсткой кровати под безликим серым одеялом.

Но мальчик рос, а вместе с возрастом пришло горькое, отрезвляющее понимание. Настоящую правду о мире за периметром ему поведали другие дети в общей спальне — у каждого из них имелось на этот счёт своё жёсткое, выстраданное мнение. Из их циничных, без прикрас, пугающих рассказов Марк узнал, что мамы и папы бывают только там, за высоким железным забором. А здесь — территория ничьих, где каждый сам за себя.

Тогда же его невидимым шлейфом догнало старое прозвище. Каким-то образом оно вылезло наружу и снова намертво прилипло к нему — «Порченый».

Самое трудное началось, когда пришло время идти в первый класс. В бесконечных школьных коридорах обнажились настоящие, волчьи интернатские взаимоотношения. Дети везде бывают жестоки, но в этих стенах их злость ничем не компенсировалась — ни родительским теплом, ни домашним уютом.

Марк долго не мог взять в толк, за что его так яростно ненавидят сверстники и ребята постарше: он ведь никому не мешал, не лез в чужие дела, не претендовал на лидерство. А ненавидели его за то, что он был слабым и слишком умным. Марк оставался нескладным, худым заморышем с непропорционально большой головой, физически не способным дать отпор местным заправилам — но школьную программу схватывал буквально на лету. Учился легко, без малейших усилий, и этим дико раздражал местную шпану.

Сначала его просто шпыняли мимоходом: отвешивали подзатыльники, дразнили Порченым, демонстративно пачкали и рвали тетради. Потом стали регулярно поколачивать за углом школы, отнимать и без того скудную еду, воровать чистые вещи из тумбочки.

Марк стойко сносил побои. В нём проявилась та самая упрямая, дикая воля, с которой он когда-то выжил в роддоме. Мальчик никогда не плакал и принципиально не жаловался воспитателям — отлично знал, что за стукачество могут покалечить ещё сильнее. Он просто сжимал кулаки, беззвучно сглатывал солоноватую кровь из разбитых губ и смотрел на своих врагов тяжёлым, немигающим взглядом.

В этом взгляде не было мольбы о пощаде. В нём горела жажда мести. Внутри, под пергаментной бледной кожей, росла и крепла глухая, жёсткая неприязнь. С каждым новым синяком она медленно превращалась в леденящую, расчётливую ненависть. Она уже не сжигала изнутри — она кристаллизовалась, превращая Порченого в идеальное, безмолвное орудие, которое просто терпеливо ждало своего часа.

Время шло, а в жизни Марка почти ничего не менялось. Интернатская система была глуха к одиночкам, а его нескладная фигура и клеймо Порченого превращали каждый день в затяжную, изнурительную борьбу за выживание. Лишения, которые он перенёс в этих стенах, давно вышли за рамки обычных школьных потасовок.

Хронический изматывающий голод стал его постоянным спутником. В интернате еда была главной валютой и одним из самых простых способов унижения. Старшаки безжалостно отбирали положенное: масло, котлеты, хлеб. Недоедание окончательно превратило тело Марка в прозрачный, костлявый скелет. Он научился обманывать пустой желудок — литрами пил воду, чтобы хоть как-то заглушить голод.

Зимой к голоду добавлялся постоянный холод. Марку всегда доставались самые жалкие обноски: стоптанные ботинки, вытянутые свитера, засаленная куртка со сломанной молнией. Его кровать в спальне на тридцать человек стояла в самом углу, у ледяной стены, которая в сильные морозы покрывалась инеем. Ночью он укрывался старым байковым одеялом с головой, сворачивался калачиком и часами дрожал, пытаясь согреться собственным дыханием.

Порченого бойкотировали. С ним запрещали общаться.

Однако его физическая немощь и беззащитность компенсировались феноменальной, цепкой памятью и холодным умом. Он не просто терпел — он методично, как компьютер, фиксировал каждую деталь вокруг. Запоминал уязвимые места обидчиков, их страхи, тайные слабости и привычки. Зачем — не мог объяснить даже себе. Но это казалось важным.

И вдруг появилась Она. Седая женщина с лучистыми, полными боли глазами — его родная бабушка Анна Борисовна. Марку едва исполнилось двенадцать, но он давно перестал верить в чудеса. Не верил никому. В том числе и этой неожиданно возникшей из ниоткуда ласковой родственнице.

Она сказала, что у него есть не только живая мать, но и младшая сестра. Они живут далеко, в другой стране, с новым мужем матери. Перед отлётом за границу, в минуту прощальной откровенности, дочь призналась Анне Борисовне, что тринадцать лет назад родила мальчика.

«Ребёнок наверняка умер», — так сказала Мария. Но Анна Борисовна не поверила. Бывшая школьная учительница литературы со строгими моральными устоями решила во что бы то ни стало лично всё проверить. Она пошла по цепочке: подняла старые связи в городском роддоме, оттуда след привел в Дом малютки, наконец она получила адрес интерната — и нашла внука.

Оформить опеку в шестьдесят пять лет казалось задачей почти невыполнимой. Но Анна Борисовна буквально штурмовала кабинеты чиновников. В итоге безупречный авторитет заслуженного педагога, старая выдержка и собственная двухкомнатная квартира сыграли решающую роль — она сломила глухое сопротивление бюрократов и вырвала мальчика из системы.

Для Марка это стало диким, оглушительным шоком. Выходя за ворота интерната и сжимая в кулаке полиэтиленовый пакет с жалкими пожитками, он походил на пугливого, затравленного зверька. Наслушавшись историй от интернатстких, он искренне ожидал предательства и подвоха от каждого движения незнакомой старухи.

Но подвоха все не находилось, а для него началась совершенно новая эпоха. Воспоминания о добрых нянечках из Дома малютки уже давно стёрлись из памяти, а теперь весь его мир перевернулся. На смену ледяным казённым стенам пришли настоящая, осязаемая забота и уют. Появилось волшебное, прежде неведомое слово — «бабушка».

Марк понятия не имел, что на свете бывает такая жизнь. Где тебя ждёт горячий ужин. Где никто не вырывает еду из рук. Где одежда пахнет свежестью. Где по ночам не нужно сжиматься в комок от пронизывающего холода.

Сначала его душа разрывалась между диким удивлением и подсознательным страхом. Он долго не мог поверить, что этот домашний покой — его настоящее, а не затянувшийся обманчивый сон. Годы интернатских унижений въелись слишком глубоко под кожу. И, кроме Анны Борисовны, Марк по-прежнему категорически никому не доверял.

В городской школе, куда его перевели, он ни с кем не сближался. Упорно держался особняком. Садился за самую дальнюю парту и каждый день ожидал, что одноклассники узнают его позорное прозвище — и ад начнётся по новой.

Но здесь всё оказалось иначе. Домашние дети жили своими мелкими радостями и заботами. До молчаливого новенького им не было особого дела. Учителя же не могли нарадоваться: Марк никогда не хулиганил, а школьную программу схватывал на лету. Вот только от сверстников держался подальше, оставаясь непроницаемой «вещью в себе».

Так незаметно пролетело почти два года. Ему исполнилось четырнадцать, и природа наконец начала брать своё. Юноша стал резко, стремительно меняться. Не просто перерос угловатую детскую нескладность, а буквально на глазах начал преображаться в лучшую сторону. Видимо, сказалась генетика. По словам бабушки, мать купилась на стать и внешность того, кто был его отцом.

Анна Борисовна вовремя заметила, как быстро вытягивается внук, и отдала его в секцию лёгкой атлетики. Регулярный спорт, полноценное домашнее питание и отцовская порода сделали своё дело — Марк превращался в высокого, физически крепкого подростка. У него раздались плечи, сформировался литой торс, а походка обрела уверенную, почти тигриную грацию.

В школе на него теперь смотрели совсем по-другому. Старое клеймо окончательно кануло в прошлое.

Все было хорошо, пока в их нормальном, благополучном девятом классе не появился новенький, Денис. Трудный подросток из обеспеченной семьи, физически сильный, наглый, с развязными замашками лидера. В старой гимназии он нажил слишком много проблем, и родители перевели его сюда в надежде, что новая школа избавит их от прошлых неприятностей.

С первых же дней Денис решил установить в классе свои порядки, и для демонстрации силы выбрал Марка. Скорее всего, тот показался ему удобной мишенью: внешне крепкий, но спокойный, молчаливый, неконфликтный. Наглому новичку этот контраст показался слабостью, и он целенаправленно пошёл на таран.

Однажды после уроков он спровоцировал Марка, зажав его в тупике за школьным спортзалом. Вокруг мгновенно собралась плотная, улюлюкающая толпа одноклассников, жаждущих зрелища. Марк категорически не хотел драться. Стоял посреди живого кольца, держа руки в карманах куртки, и искренне пытался сгладить конфликт словами. Он просто не понимал, зачем этот парень так упорно хочет устроить драку.

Договориться не удалось. Вместо ответа Денис резко выбросил кулак и ударил в лицо, и ту же секунду в голове у Марка что-то произошло. Боль от разбитой губы сорвала все предохранители. Внутри лавиной проснулись застарелые обиды, накопленный годами страх, и та самая первобытная, ледяная злость Порченого. Эта ярость в одно мгновение смела все нравственные устои, привитые бабушкой.

Он ударил в ответ. Первый выпад вышел немного неуверенным, смазанным — сказалось отсутствие опыта. Но уже в следующую секунду слепая ярость полностью подчинила себе его тело. Ему не нужно было думать, куда и как бить — он знал это на уровне звериной памяти.

Удары были разящими, сокрушительными и пугающе точными. Рука, нога, резкий выпад локтем — Марк будто превратился в безупречную боевую машину. Наглый новенький был смят и морально уничтожен на глазах у одноклассников. Не в силах противостоять этому бешеному животному натиску, Денис упал на колени, закрывая лицо руками и размазывая кровь по щекам.

Драка закончилась так же внезапно, как и началась.

Авторитет Марка среди сверстников взлетел на недосягаемую высоту. Школа затихла перед ним.

Хотя избитый Денис никому не пожаловался, директриса уже на следующий день узнала о побоище и вызвала Марка в свой кабинет. Пожилая женщина не стала кричать или обвинять его, зная, кто был зачинщиком. Лишь попыталась тихо, по-человечески объяснить подростку, что нельзя обходиться с людьми с такой пугающей жестокостью.

Стоя в кабинете перед директрисой, Марк с ней согласился. Он не лукавил и не притворялся — в тот момент он действительно считал, что перегнул палку, поступил неоправданно жестоко. Позже, спустя годы, он изменит своё мнение о ценности человеческой жизни, но тогда ему было невыносимо стыдно. И это был первый и последний раз в его жизни, когда он искренне сожалел о содеянном.

Потому что расплата пришла через три дня. На тёмной аллее парка его подстерегли четверо парней. Били долго, целенаправленно, ногами по голове и животу, пока он не потерял сознание. С поломанными рёбрами и сотрясением мозга он провёл в больнице почти месяц, но вышел оттуда уже другим человеком.

В нём больше не осталось места для жалости. Он выловил в подворотне испуганного Дениса, вывернул ему пальцы и хладнокровно выяснил имена и адреса его друзей. Потом методично, без суеты и паники, расправился с каждым поодиночке. Бил жёстко, калеча и ломая. С его точки зрения, это было абсолютно справедливо.

Больше он ни на секунду не сомневался в устройстве мира. Жизнь преподала ему жестокий и самый главный урок: нужно быть сильным, наносить удар первым и больше никогда не заморачиваться моралью.

Мораль — удел слабых. Так теперь считал Марк.

Единственное, что по-прежнему царапало его окаменевшее сердце — бабушка. Когда он лежал под капельницами, смотреть в её глаза, полные слёз, было просто невыносимо. Он готов был вытерпеть ещё сотню страшных ударов — только бы единственная дорогая ему женщина никогда не плакала из-за него.

Но плакать Анне Борисовне ещё пришлось. И не раз.

В школе и на районе Марку не простили самосуд. Больше полугода ему пришлось доказывать своё право кулаками. Он дрался, учился по ходу, набивал шишки, первое время получал жестоко. Не хватало опыта уличных боёв, но он не уступил ни разу.

Бабушка охала, заклеивая пластырем раны на лице и сбитые кулаки. Уговаривала, предостерегала — но изменить ничего не могла.

Со временем всё улеглось. Жизнь расставила всех по местам. Марк так и не примкнул ни к одной уличной компании, оставался сам по себе, но его зауважали, и шпана приняла как своего.

Анна Борисовна ушла тихо, во сне, в своей постели. Сердце старой учительницы просто остановилось, устав справляться с возрастом и вечной тревогой за внука.

В то утро Марк плакал — в первый и последний раз в своей жизни. Это были скупые, злые слёзы взрослого мужчины, запертого в теле пятнадцатилетнего пацана. Слёзы бессилия перед единственным врагом, которого он не мог выловить в подворотне и избить — перед смертью.

Когда тело увезли, опустевшую квартиру захватила полная, стерильная тишина. Марку даже на секунду показалось, что он оглох. Стараясь не нарушать этот ватный покой, он тихонько вошёл в комнату бабушки.

На письменном столе, среди аккуратных стопок книг и методичек, он нашёл толстую общую тетрадь в плотной обложке. Это не был дневник в привычном смысле. Просто Анна Борисовна годами записывала туда важные события, даты, адреса и телефоны старых коллег и подруг.

Листая пожелтевшие страницы, Марк окончательно убедился в том, что подозревал и раньше: никаких других родственников, кроме матери, у него на этом свете не осталось. На самой последней странице, выведенный аккуратным учительским почерком, значился загра-

ничный номер Марии. Телефон женщины, которая когда-то вышвырнула его из своей жизни, а теперь жила сыто и благополучно где-то в Европе. Он знал это. Бабушка как-то обмолвилась после телефонного разговора, что у дочери всё хорошо.

Даже мысли не возникло набрать этот номер. Внутри не шевельнулось ни обиды, ни любопытства — одно ледяное безразличие. Марк не хотел иметь ничего общего с той, которой он, еще не родившись, был не нужен. Захлопнув тетрадь, он пообещал себе, что никогда не сообщит ей о смерти бабушки.

Похороны были на удивление людными. Анну Борисовну в городе знали и уважали сотни бывших учеников. Всю организацию взяли на себя городское управление образования и профсоюз — заслуженного педагога и ветерана труда хоронили за государственный счёт.

Марк стоял у разверстой могилы чёрной безмолвной статуей. Вокруг плакали женщины, кто-то пытался сочувственно гладить его по плечу, но он не реагировал. Только смотрел на опускающийся в землю гроб.

Внутри зрело страшное, циничное осознание: судьба опять его подло обманула. Стоило поверить в тепло, безопасность и любовь, как мир вокруг снова с хрустом перевернулся.

Оказалось, бабушка оставила ему наследство — скопленные за жизнь деньги и квартиру, в которой они жили. Сумма была скромной, но её вполне хватило бы на год очень бережного самостоятельного существования. Однако воспользоваться этими деньгами он сейчас не мог. До совершеннолетия оставалось три года, а по закону одинокому пятнадцатилетнему подростку после смерти опекуна оставалась одна дорога — обратно в детский дом.

В отделе соцзащиты он не стал устраивать сцен. Сел перед хмурой чиновницей и спокойно, глядя ей прямо в глаза, попросил об одном:

— Верните меня в тот же интернат, откуда забрали.

Женщина равнодушно пожала плечами, чиркнула что-то в бумагах и поставила штамп. Ей было всё равно. Для системы он был просто очередной учётной карточкой, которую нужно вернуть на прежнее место.

И вот перед ним снова знакомые решётчатые ворота. Тот же кирпичный фасад, тот же унылый двор, та же гнетущая атмосфера казённщины. Марк ступил на территорию интерната, держа в руках небольшую дорожную сумку с вещами.

Всё здесь жило своей привычной жизнью. На дальних площадках шумными стайками бегали беззаботные малыши, ещё не понимающие, куда попали. На бетонном пятачке у спортивной коробки привычно кучковались те, кто постарше.

Марк обвёл двор медленным сканирующим взглядом и сразу, без труда, узнал двоих. У забора, лениво сплёвывая на асфальт, стоял Лёпсик — морда из параллельного класса, который три года назад организовывал его избиения и отнимал еду. За это время парень ещё сильнее раздался в ширину, обзавёлся глупой чёлкой под Билана — длинной, падающей на один глаз. Сейчас он что-то втирал притихшим малькам. Чуть поодаль, на скамейке, крутил в руках дешёвый кнопочный телефон Рыжий — шестёрка Лёпсика.

Они не видели, кто вошёл в ворота. Они помнили Марка худым заморышем, иссохшим головастиком, которого можно было пнуть ради забавы. Они не знали, что в интернат вернулся не сломленный Порченый, а уличный боец с твёрдыми кулаками, в котором не теплилось ни искорки жалости.

Марк прошёл мимо, даже не замедлив шаг. На крыльце его встретила дежурная воспитательница, натянуто вздохнула и молча повела по гулкому коридору в общую спальню старшей группы. Притихшая интернатская стая двинулась следом.

Он вошёл по-хозяйски, уверенно ступая по скрипучим доскам. Медленно окинул взглядом ряды коек и сразу направился к лучшему месту — у окна, подальше от промерзающей стены. Естественно, это была кровать Лёпсика, признанного лидера.

Марк подошёл, рванул на себя чужое одеяло вместе с простынёй и подушкой, швырнул всё на пол. Затем одним движением выгреб барахло из тумбочки, ногой сгрёб хлам в проход. Бросил на оголившийся матрас казённое бельё, сверху тяжело поставил сумку.

Развернулся к застывшей в дверях толпе:

— Ну что рты разинули? Давайте знакомиться.

Некоторых он помнил, некоторые были новенькими. Сам Лёпсик стоял посреди комнаты, часто и шумно дыша. Он и представить не мог такой наглости. Наконец присмотрелся к лицу новичка — глаза округлились, и он злобно прошипел:

— Порченый… Мать твою!

— Да, Порченый, — спокойно отозвался Марк, разворачивая плечи. — А что, сильно изменился? Ты рот-то прикрой, а то кишками воняет.

Лёпсик, не раздумывая, с рёвом бросился на него. Марк среагировал мгновенно. Он мог бы вырубить противника коротким боковым в челюсть, но холодный разум подсказал: за сломанные челюсти в интернате по головке не погладят, можно загреметь в спецшколу. Бить нужно было аккуратно, без явных следов.

Он сделал резкий шаг в сторону и встретил Лёпсика сокрушительным ударом в живот. Тот согнулся, упал на одно колено, тяжело хрипя. Попытался подняться, но Марк перехватил его, жёстко вывернул руку и опять коротко ударил ногой в живот.

— До тебя что, с первого раза не доходит? — ледяным тоном спросил он, глядя сверху вниз. — Забрал своё барахло и свалил отсюда.

Лёпсик медленно поднялся, держась за отбитое место. Затравленно огляделся по сторонам — стая молчала, никто не бросился помогать.

В спальне оставалась свободной только одна кровать — в самом дальнем, холодном углу. Бывший вожак повернулся к худому испуганному парнишке на ближайшей койке:

— Койку освободи, Карась. Живо.

Мальчишка испуганно попятился и уже потянулся сворачивать постель, но Марк остановил его резким окриком:

— Стоять! Имя есть или только кликуха?

— Витя… — пролепетал пацан.

— Значит так, Витёк. Остаёшься на своём месте, никуда не дёргаешься. А это мурло, — он пренебрежительно кивнул в сторону застывшего Лёпсика, — пусть отчаливает в угол. Его точка теперь там.

Выпускной из интерната не стал для Марка праздником. Это был просто день, когда перед ним открылись тяжёлые железные ворота.

В отличие от большинства детдомовцев, согласных на любую неквалифицированную работу, Марк изначально нацелился на другую жизнь. Он обещал бабушке, что окончит институт. Да и его аналитический ум требовал большего, чем просто пахать на дядю или торговать в ларьке. Он нацелился на экономический факультет престижного питерского вуза — Финэк, кафедру корпоративных финансов и оценки бизнеса. Идеальная база для человека, который планировал просчитывать чужие активы на много шагов вперёд.

Правда, он не смог поступить туда сразу после школы. Марку было всего семнадцать. До совершеннолетия он оставался на казённом обеспечении в стенах интерната и не имел права уйти в никуда.

Этот год он не потерял. Устроился грузчиком в продуктовый супермаркет на окраине города, впахивал по две смены и откладывал каждую копейку, добавляя её к бабушкиным сбережениям. Это был его капитал для поступления и учёбы.

Была ещё квартира. Её он продал позже, уже после восемнадцати, скрепя сердце — ему нужно было на что-то жить следующие пять лет.

В вузе Марк учился истово. Сложные финансовые модели, международное право и аудит впитывал как губка. К 2018 году, когда он с отличием защитил диплом, мир вокруг стремительно менялся. И Марк вовремя уловил ветер перемен: настоящие деньги теперь делались на стыке старых финансовых схем и новой цифровой лихорадки — криптовалют.

Следующие годы стали золотой эрой для тех, кто вовремя почувствовал смену глобальных трендов. Если раньше криптомир напоминал дикий Запад с его авантюрами и шальными деньгами, то к концу десятилетия он превратился в профессиональную индустрию, где крутились уже сотни миллионов долларов. Консалтинговые компании, вовремя зашедшие в эту нишу, упаковывали криптофонды, проводили крупные трансграничные сделки и учили старые деньги ходить новыми дорогами.

Марк открыл свою фирму в Ростове — ближе к южным портовым потокам и логистическим узлам. Идей было море, клиенты с шальными деньгами шли один за другим, но в бизнесе такого уровня Марку позарез требовался свой человек. Тот, кому можно доверять как самому себе. Нужна была надёжная, умная и преданная силовая поддержка.

И она нашлась — Глеб Рудин. Его единственный друг по интернату.

Глеб попал в интернат уже подростком, после того, как его родители-алкоголики заживо сгорели в собственном доме. Он был парнем улицы: здоровым, злым, абсолютно неуправляемым. В первые дни они с Марком схлестнулись так жёстко, что разнимать их сбежался весь персонал. Ни один тогда не одержал верх. Но именно после той бешеной драки они стали неразлучными друзьями. Причем Глеб, обладавший звериным чутьём на опасность, беспрекословно слушался более умного, расчётливого Марка.

Институт Глебу, конечно, не светил. Будучи на год старше Марка, он сразу после интерната загремел в армию. Оттуда ушёл воевать по контракту, провёл в горячих точках около пяти лет, набрался сурового боевого опыта и вернулся на гражданку живым, но ещё более замотеревшим.

Марк вытащил его к себе в Ростов в первый же день после дембеля.

— Денег сразу я не обещаю, Глеб, — честно сказал он, раскладывая на столе первые схемы и договоры. — Сначала нужно закрепиться и подмять под себя пару портовых подрядчиков. Будет тяжело.

Рудин лишь довольно оскалился. Ему не нужны были золотые горы. Деньги интересовали его во вторую очередь. Главным оставался единственный друг и их общие, понятные только им двоим интересы. Глеб был готов спать на голом полу в арендованном офисе, месяцами питаться перловкой с дешёвой тушёнкой из банок. Главное, что теперь у него была настоящая движуха, адреналин и тот самый драйв, без которого ветеран контракта уже просто не умел дышать.

Мощные кулаки Глеба и холодная гениальная голова Марка образовали идеальный союз. Союз, готовый сожрать этот финансовый рынок целиком. Неожиданно — или ожидаемо — их дела стремительно пошли в гору. Глеб Рудин обеспечивал безопасность, а Марк Градов выстраивал схемы, от которых у местных бизнесменов захватывало дух.

Очень скоро рамок Ростовской области Марку стало откровенно мало. Региональный масштаб давил. Шальные деньги и крупные игроки крутились в одном месте — в столице. Фирма Градова созрела для переезда в Москву, и это было не спонтанным решением, а холодным, математическим расчётом. Они заходили в столицу не как просители, а как агрессивные, голодные хищники.

Марк снял просторный офис в башне «Федерация» комплекса Москва-Сити. Именно этот бурлящий стеклянный улей был сердцем российского крипторынка. Глеб поначалу чувствовал себя неуютно среди гигантских небоскрёбов, но довольно быстро освоился. Пока Марк в дорогих костюмах вёл переговоры с крупными инвесторами, он контролировал техническую и силовую сторону бизнеса. В Сити крутились сотни миллионов долларов, и здесь навыки Рудина оказались бесценными.

Но огромные деньги всегда рождают огромные риски — особенно в столице. Постепенно их бизнес начал пересекаться с интересами опасных людей.

Первое настоящее испытание на прочность подкинуло им лето 2022 года. К тому времени через финансовые шлюзы Марка в Москва-Сити проходили огромные объёмы цифровых активов крупных нефтетрейдеров и импортёров бытовой техники. Вся цепочка работала как часы — пока на транзитный счёт одного из клиентов, которого Марк вёл по договору, не упал крупный транш: тридцать миллионов долларов в криптовалюте.

Деньги предназначались для закупки азиатского оборудования. Но уже через сутки выяснилось, что они имеют грязное происхождение: их вывели хакеры с разграбленного ближневосточного фонда.

Комплаенс биржи заморозил аккаунт клиента в тот же день. А ещё через два дня в офис на тридцать втором этаже башни «Федерация» поднялись трое — по пропуску, оформленному на имя одной из подставных фирм клиента. Специфические гости представляли интересы теневого ростовского синдиката, который стоял за теми хакерами и использовал консалтинг Марка вслепую. Разговор вышел коротким: хозяевам плевать на блокировки, им нужны деньги. Не «ваши», а «наши», которые зависли на аккаунте. Иначе Сити станет для партнёров очень высоким кладбищем.

На возврат Марку дали сорок восемь часов.

Любой классический финансист на его месте поддался бы панике, попытался сбежать или полез в кассу холдинга, разрушая собственный бизнес. Но Марк включил свой холодный, интернатский ум, который когда-то помог ему выжить.

— Отдавать свои оборотные деньги мы не будем, — ледяным тоном отрезал он, когда за визитёрами закрылась стеклянная дверь. — Но и воевать с ростовской мафией нам пока рано. Мы заставим систему работать на нас.

Глеб тем временем делал то, что умел лучше всего: проверял оружие, обходил посты, ставил людей на входы. Марк двое суток не отрывался от мониторов. Он не стал пытаться взломать блокировку — это было невозможно. Вместо этого он нашёл лазейку в правилах самой платформы: пункт о «добросовестном приобретателе», который позволяет снять заморозку, если получатель докажет, что не знал о происхождении средств.

Через подставную европейскую фирму, оформленную на имя одного из клиентов, Марк подготовил пакет документов: договор поставки, счета-фактуры, подтверждение оплаты — всё датированное задним числом. Биржа, получив бумаги, перевела аккаунт из статуса «подозрительный» в «требующий дополнительной проверки». Это дало ему окно в несколько часов, чтобы вывести деньги на нейтральный кошелёк.

Хитрость сработала.

Параллельно в дело вступил Глеб. Он выстроил силовое прикрытие операции с армейской чёткостью. Когда ростовские визитёры прибыли за расплатой в подземный паркинг Сити, их ждали не сумки с деньгами, а глухая блокировка связи, глушители радиочастот и твёрдые стволы, направленные в окна внедорожников.

Рудин действовал хладнокровно. Не стал устраивать бойню, которая привлекла бы внимание силовиков, но наглядно продемонстрировал гостям распечатки с их личными адресами, маршрутами движения детей и досье на ростовских покровителей.

— Марк перевёл на ваши резервные гонконгские счета тридцать миллионов, — Глеб нехорошо усмехнулся, глядя на побледневшего старшего группы. — Два миллиона — наша комиссия за то, что вы принесли нам грязные хвосты. Итого двадцать восемь. А теперь убирайте своё железо, прыгайте в корыто и передайте в Ростов: если кто-то из ваших ещё раз поднимется в Сити без приглашения, я приеду к вам в гости. И воевать мы будем по моим правилам.

Марк не просто спас клиента от тридцатимиллионного убытка. За счёт курсовой разницы на цепочке обменов и страхового резерва платформы, который удалось активировать через ту же лазейку, он заработал на кризисной ситуации ещё четыре миллиона чистой прибыли.

Ростовский синдикат, оценив гениальную наглость схемы и реальную силу их прикрытия, вместо войны предложил консалтингу Марка постоянное партнёрство.

Эта страшная проверка сделала их неприкасаемыми в Москва-Сити. Они вышли из кризиса ещё более богатыми, а главное — завоевали репутацию людей, способных перемалывать любые теневые конфликты в чистый доход. Но именно этот триумф окончательно убедил Марка: на вершине бизнеса выживают только те, кто не отягощён излишними моральными принципами.

Их машина заработала на полную мощность. К концу 2024 года консалтинговый холдинг Марка в Москва-Сити управлял такими объёмами денег, что его аналитический отдел мог в режиме реального времени отслеживать движение капиталов крупнейших игроков страны.

Своего биологического отца Градов не искал. Бабушка как-то обронила, что он был столичным застройщиком и назвала имя, но человек, когда-то растоптавший его мать, был Марку безразличен. Однако по иронии судьбы базы данных Сити сами вывели хищника на цель.

Во время планового аудита строительного сектора Подмосковья Марк наткнулся на холдинг «ЕвроСтрой-Групп». Владельцем и генеральным директором компании значился Шестаков Роман Альбертович — тот самый человек, чьим пустым обещаниям когда-то поверила Мария.

Марк долго не мигая смотрел на портрет Шестакова на корпоративном сайте — стареющего, но всё ещё лощёного мужчины с сытой, уверенной улыбкой. Внутри не дрогнула ни одна жилка. Не было ни сыновней обиды, ни подросткового гнева. Включился чистый, леденящий, интернатский расчёт Порченого. В этот момент Шестаков стал просто крупной, неповоротливой жертвой, которую следовало планомерно распотрошить.

— Глеб, — негромко позвал Марк, не отрывая взгляда от монитора. — Дай команду поднять мне всю подноготную по «ЕвроСтрой-Групп». Земля, кредитные линии, субподряды. И найди их слабое место.

Вскоре выяснилось, что Шестаков, привыкший решать вопросы деньгами и старыми связями из девяностых, безнадёжно отстал от времени. Он не понимал, что современный бизнес — это шахматная партия на цифровых досках. К 2025 году его холдинг заложил несколько крупных жилых комплексов бизнес-класса и сильно закредитовался в госбанках. Для завершения строительства требовался мощный приток денег, и Шестаков искал иностранных инвесторов для вывода капитала через криптовалютные шлюзы. Не составило труда устроить так, чтобы он сам пришёл в офис на тридцать втором этаже башни «Федерация».

Марк принял клиента лично. Не подозревая, кто сидит перед ним в костюме от элитного итальянского бренда, Шестаков, по-хозяйски раскинувшийся в кожаном кресле, снисходительно хвалил «молодого и перспективного финансиста». Марк держался невозмутимо, лишь вежливо улыбался одними губами.

Операция по уничтожению «ЕвроСтрой-Групп» заняла ровно три месяца и была проведена с хирургической точностью.

Марк предложил Шестакову не «уникальную схему», а реструктуризацию долгового портфеля через азиатский инвестиционный фонд с реальной историей и лицензией. Схема обещала застройщику отсрочку платежей на три года и снижение ставки по кредитам на два процента. Экономия — не сорок, а восемь-десять процентов. Но и этого хватало, чтобы Шестаков заинтересовался.

Доверяя авторитету консалтинга, Шестаков убедил совет директоров подписать договоры. Средства холдинга — не все, а часть свободного остатка — были переведены на эскроу-

счета в гонконгском банке. Счета были открыты на номинальные компании, но контроль над ними Марк осуществлял через доверенных юристов и корпоративных директоров.

Как только деньги Шестакова оказались внутри системы, Марк задействовал рычаги. Его аналитики подготовили и отправили в налоговую инспекцию и Росфинмониторинг анонимные сигналы о старых сомнительных субподрядах «ЕвроСтрой-Групп». Не «инициировали проверки» — а создали информационный повод. Регуляторы отреагировали сами: начали камеральную проверку и запросили документы.

Одновременно на подконтрольных Марку финансовых порталах вышли аналитические статьи о скрытых долгах застройщика и рисках заморозки подмосковных строек. Не «разгромные» — а осторожные, со ссылками на открытые данные и мнения экспертов. Этого хватило.

Банки-кредиторы не реагировали мгновенно. В течение недели их риск-подразделения проанализировали ситуацию. Юристы оценили ковенанты. Совет директоров принял решение. Кредитные линии приостановили, а по двум крупным займам потребовали досрочного возврата — на законных основаниях, из-за нарушения ковенантов.

На строительных площадках «ЕвроСтрой-Групп» постепенно замерли краны. Разъярённые дольщики вышли на пикеты. Холдинг «ЕвроСтрой-Групп» рухнул. А на самого Шестакова прокуратура завела дело по двум эпизодам растраты средств дольщиков.

Шестаков примчался в офис бледный, с трясущимися руками. Умолял Марка срочно вернуть активы из азиатских фондов, чтобы закрыть дыры в бюджете.

Марк медленно развернул к нему экран планшета. На мониторе светился сухой официальный отчёт: гонконгские структуры, куда Шестаков перевёл деньги, приостановили деятельность. Активы выведены. Лицензии отозваны. Директора исчезли. Юридически придраться было не к чему — договоры были составлены так, что застройщик сам взял на себя все цифровые риски.

Шестаков тяжело рухнул на стул, хватаясь за сердце, и с ужасом посмотрел на молодого человека:

— Вы… вы понимаете, что натворили? Вы пустили меня по миру! Я потерял всё! Зачем вы это сделали? Кто вы такой?

Марк плавно поднялся из-за стола, поправил манжеты рубашки и подошёл к панорамному окну. За стеклом сияла залитая солнцем Москва.

— Вы правы, Роман Альбертович. Вы потеряли всё. Квартиру на Остоженке, автомобили, бизнес и имя. Через неделю прокуратура наложит арест на счета. Потом — СИЗО.

Он повернулся и впервые посмотрел на Шестакова настоящим, ледяным немигающим взглядом Порченого. Взглядом из холодного интернатского детства.

— А насчёт того, кто я… Просто бизнесмен. И ничего личного.

Шестаков открыл рот. Лицо пошло серыми пятнами. Он попытался что-то сказать, но лишь шумно, со свистом сглотнул воздух. В его глазах застыл первобытный ужас.

Марк не стал дожидаться ответа. Он небрежно кивнул Глебу, застывшему у двери:

— Убери это из кабинета. Его время в Сити закончилось.

За счёт вывода активов «ЕвроСтрой-Групп» через гонконгские структуры до банкротства, Марк не просто уничтожил человека, которого считал своим биологическим отцом. Он заработал на ликвидации его строительной империи ещё сорок пять миллионов долларов.

Схема Порченого сработала снова, сделав их с Глебом ещё сильнее, богаче и осторожнее.

ГЛАВА 2

Утро застало Марка на самом дне глубокого колодца спокойного сна, из которого он вынырнул мгновенно и легко. Похмелья не было — крепкий организм, закалённый детдомов-

ским детством, перемалывал любые токсины без следа. Он сел на край кровати, потянулся, чувствуя силу в широких плечах, и опустил босые ступни на подогретый мраморный пол.

Марк Градов. Прозвище, приклеенное ещё в роддоме, стёрлось, а Градов остался. И Марк сделал всё, чтобы эту случайную фамилию произносили с уважением и страхом в верхних эшелонах бизнеса.

Он не был красив в привычном смысле. Но в его облике — рост под метр девяносто, резкие черты, жёсткая щетина, глубокая складка между бровями — чувствовалась первобытная, магнетическая сила. Тёмные глаза смотрели тяжело, с той опасной глубиной, которая одних пугала, других завораживала. Женского внимания у него всегда было с избытком.

Марк подошёл к панорамному окну. Парк тонул в густом сизом тумане, вековые сосны застыли, словно солдаты почётного караула. Вокруг царил безупречный порядок, но в последнее время он вызывал только глухую, удушающую скуку.

Она накрыла его чуть больше года назад, сразу после главного триумфа. Марк уничтожил финансовую империю своего биологического отца — пустил того по миру, отомстил за всё… и вдруг понял, что воевать больше не с кем. Бизнес стал пресным, деньги перестали интересовать, азарт пропал. И скука медленно вползла в его жизнь, как утренний туман за окном.

Предыдущие сутки он провёл в отчаянной попытке разогнать это оцепенение — гулял жёстко, наотмашь. С ним, как всегда, был Глеб — единственный друг из детдомовского прошлого, теперь совмещавший роли партнёра по бизнесу и начальника службы безопасности. Они вдвоём могли выпить ведро крепкого алкоголя и не опьянеть, но вчера что-то пошло не так. Последние четыре часа загула просто выпали из памяти. Абсолютный, стерильный провал. Подобной слабости Марк за собой не замечал никогда, и это вызывало раздражение.

Тяжёлая дубовая дверь спальни без стука отворилась. Он даже не повернулся — без предупреждения в его комнату могла войти только Аделина. Или Лина, как они с Глебом её называли.

Лина числилась управляющей, но по факту держала в руках весь дом — и Марка, и Глеба, и каждого, кто переступал порог.

Она появилась в их жизни еще в Ростове, когда в карманах парней звенела лишь мелочь на хлеб, а их консалтинговая фирма ютилась в сыром полуподвале. Лина жила в том же доме. Совсем недавно в страшной аварии погибли её муж и старшая дочь. Остался только сын — семилетний Дениска. Убитая горем женщина никак не могла прийти в себя, собраться — в итоге потеряла работу бухгалтера и осталась с маленьким сыном без гроша за душой.

Марк с Глебом, случайно столкнувшись с Аделиной в подъезде, вскоре стали иногда заходить на чай в её тесную кухоньку. Денег у парней не водилось, но они были готовы разделить с ней всё, что имели, и предложили работу. Аделина согласилась на эти смешные копейки — просто чтобы прокормить сына. Она была уверена, что это временная передышка, и честно пыталась искать нормальное место. А пока принялась разгребать бумажный хаос нарождающейся компании: договоры, отчёты, налоги. Это было ей знакомо, это была её стихия. Аделина оказалась удивительно толковой, въедливой и хваткой. По сути она стала оплотом порядка и управления в офисе.

Дни складывались в недели, но нового места по специальности Лина так и не нашла. Только это было уже не важно. Её всё сильнее тянуло в душную полуподвальную каморку — к бесконечным ночным спорам до хрипоты, к горящим глазам, к этой злой, дикой вере парней в собственный успех. Рядом с ними её собственная боль отступала — она словно согревалась от их мощного огня.

Так она и приросла к Марку с Глебом — намертво, навсегда. Не из-за денег — их еще не хватало, — а из-за надежды, которую они дарили ей вопреки всему. Их борьба стала её борьбой, их победы — её тихой гордостью.

Прошли годы. Полуподвал сменился этажами в Сити, но Аделина осталась прежней — она единственная могла командовать ребятами как вздумается, и те, перед которыми трепетали акулы бизнеса, безропотно её слушались. Весь свой воспитательский запал она тратила на них. Тринадцатилетний сын Лины учился в элитном закрытом пансионате в Швейцарии — полностью обеспеченный Градовым до конца обучения.

В свои пятьдесят Лина выглядела превосходно — стройная, ухоженная, обладающая той строгой женской привлекательностью, которую дают только порода и характер.

— Ли-ина, — Марк обернулся, чуть кривя губы в привычной улыбке.

Она окинула его суровым взглядом с головы до голых пяток и укоризненно качнула головой. В руках женщина держала серебряный поднос с высоким запотевшим стаканом и круглой таблеткой.

— Это что? — он лениво приподнял бровь.

— Цианистый калий, — совершенно серьёзно пробурчала Аделина, проходя к прикроватной тумбочке. — Выпей — сразу отмучаешься. И у меня сердце за тебя болеть перестанет. Спать буду по ночам, а не караулить у окна твои блудные пришествия.

Градов хрипло, раскатисто рассмеялся:

— Какого чёрта ты-то переживала? Сколько раз говорить: со мной в этом мире ничего не сделается.

— А того чёрта, что я сегодня ночью не знала, в какую службу спасения звонить! — Лина с сердитым стуком водрузила поднос на столешницу. — Носило вас чёрт знает где! Этот твой раздолбай Глеб припёрся один среди ночи. Невменяемый, на ногах едва держится, лыка не вяжет. Завалился в прихожую и твердит, как заведённый: «Потерял Марка, там... в тумане». Твой телефон молчит. Я охрану на уши поставила, через их каналы биллинг пробили. Аппарат нашли у администратора ночного клуба, а тебя самого — нет. Я чуть на стенку не полезла от страха, а потом тебя эта русалка на такси привезла.

— Русалка? — Марк нахмурился, чувствуя, как внутри шевельнулось опасное любопытство. — Какая ещё русалка?

— Настоящая! — всплеснула руками Аделина. — Волосы рыжие, длинные — до самой задницы. Вы с ней явились через два часа после Глеба. Оба мокрые с головы до пят, будто вас из речки вытащили. На девке под курткой какая-то мужская рубашка явно не по размеру. И ладно бы вела себя скромно, гостья всё-таки, так нет же! Продрыхлась и уже целый час из бассейна не вылезает. В чём мать родила плещется! Ни стыда у девки, ни совести. Я ей купальник на бортик положила, из тех, что для гостей — так она на меня даже не взглянула. Рукой махнула небрежно и дальше плавает. В общем, Градов, прекращай лыбиться. Выпей таблетку. Это аспирин. И иди разбирайся.

— Да я в полном порядке, Лин, — он попытался отмахнуться, привычно удивляясь возможностям своего организма. — Голова абсолютно чистая.

— Пей, лишним не будет, — железным тоном отрезала она, уперев руки в бока.

Марк вздохнул, послушно бросил таблетку в воду и, когда та с шипением растворилась, залпом осушил стакан. Ледяная вода приятно охладила горло.

— А Глеб где? Надеюсь, он не с рыжей резвится?

— Нет, бог миловал, твой дружочек сейчас на подвиги не способен, — фыркнула Аделина, забирая поднос. — Спит, скотина такая. Ты же знаешь, сколько этот мордоворот дрыхнуть может. Хоть из пушки пали — не шелохнётся. Дверь изнутри запер и храпит на весь этаж. Жду не дождусь, когда этот шкаф выползет — устрою ему выволочку! Охранник называется. Собственного шефа в кабаке прохлопал!

Она круто повернулась на каблуках и направилась к выходу. Уже у самой двери остановилась и бросила через плечо:

— Одевайся давай. Иди разбирайся со своей водоплавающей. У нас здесь приличный дом, а не нудистский пляж для непонятных девиц.

Дверь закрылась. Марк остался один, глядя перед собой задумчиво-лукавым взглядом. Скука, преследовавшая его последний год, вдруг слегка отступила, сменившись весёлым азартом.

Он почесал атлетическую грудь и отправился в ванную. Стоя под душем, не переставал бубнить себе под нос:

— Русалка, значит. Интересно, где я её выловил? Ни хрена не помню...

На пару секунд замер перед зеркалом, придирчиво всматриваясь в контур щетины. Уже потянулся за триммером, но раздражённо толкнул его в сторону.

— Марик, — бросил он отражению, — что такое? Хочешь русалке понравиться?

Яростно надраивая зубы, он продолжал внутренне насмехаться над собой: «А если там крокодил какой-нибудь? А ты тут перья распушил?»

Но что-то упрямо подсказывало: Лина не стала бы ворчать без веской причины. Она всегда по-матерински ревностно присматривалась к каждой девушке, появлявшейся рядом с ним. Проверяла их дотошно, словно прожжённый сотрудник спецслужб, с ходу вычисляя охотниц за чужими деньгами. Особенно доставалось эффектным красавицам.

«Видимо, девочка и правда ничего», — Марк довольно подмигнул своему отражению и выключил воду.

Выудил из ящика чёрные боксеры, натянул их, сверху — свободные льняные штаны песочного оттенка и, не заморачиваясь футболкой, легко сбежал вниз по широкой лестнице.

Дом, в который он переехал всего две недели назад, даже его самого до сих пор поражал масштабами. Огромная гостиная на первом этаже с панорамным остеклением в два света больше напоминала терминал аэропорта: пространство, стекло и дизайнерская роскошь в стиле минимализма. Вокруг — бетон, металл, но с тёплыми акцентами: дубовые перила, большие растения в кадках, мягкий свет из скрытых ниш.

Просторная кухня по оснащению могла соперничать с ресторанным цехом. Там пахло хорошим зерновым кофе и свежей выпечкой — жизнь кипела вовсю. Заглянув, Марк тепло поздоровался с добродушной на вид поварихой в белоснежном фартуке:

— Доброе утро, Зинуля.

— Доброе, Марк Николаевич. Кофе?

— Кофе натощак вредно. Смерти моей хочешь? — бросил он дежурную шутку, усмехнулся и добавил: — Свари, конечно.

Зина достала медную турку, и вскоре густой напиток перекочевал в маленькую фарфоровую чашку.

Из кладовой появилась горничная в сером платье и мягких мокасинах. Увидев хозяина дома с голым торсом, она на секунду застыла, вспыхнула, опустила глаза и мелкими шажками быстро ретировалась.

Зина осуждающе поджала губы, скрестив руки на груди:

— Смущаете девушку, Марк Николаевич. Прикрылись бы.

— Брось, Зин, она что, на пляж ни разу не ходила? — усмехнулся Марк, делая глоток из чашки. — Нашла от чего смущаться. Вот сейчас Глеб проснётся, так чувствую, вообще в одних трусах выпрется.

— Он опять ночевал здесь? — повариха недовольно покачала головой. — Вы бы поговорили с ним, Марк Николаевич.

— Сказать ему — больше к нам ни ногой? — хитро подмигнул он.

— Зачем так. Сказать, чтобы перестал шастать по дому полуголым. Катька наша сбежит скоро от такого дефиле.

— Смотри, какая впечатлительная! — хмыкнул Марк, вспомнив горничную.

— Молодая ещё, не замужем, — веско пояснила Зина. — Да и парня у неё, похоже, нет.

— Ну, она вроде симпатичная. Ножки, фигура и всё остальное при ней…

— Так, — неожиданно перебил их сухой, уверенный голос Лины от дверей, — ты с девчонкой уже разобрался, ценитель прелестей?

— Лина. Дай кофе допить. Никуда она не денется. Разве если утонет, — рассмеялся Марк. — Тогда зароем в парке. Садовнику пузырь вискаря выкатим — Михалыч её быстро прикопает.

— Пошути, пошути… Если серьёзно, мне не нравится, что ты чужих начал приводить. Мы её не знаем. Кто, откуда? Да и ты не помнишь ничего. Подозрительно. Я её одежду проверила — ничего нет. Ни документов, ни телефона.

— Может, в сумке? — равнодушно предположил Марк.

— Она без сумки была. Приблудная какая-то, странная. Женщина — и без сумки…

Лина подошла к Зине, заглянула через плечо в шкворчащую сковороду, затем снова повернулась к Марку:

— И Зина права. Заканчивайте шастать полуголыми по дому. Во-первых, вы действительно всех смущаете. Во-вторых, просто неприлично. Катерина всего неделю работает — так всё время и ходит по стеночке, едва вас завидит. Сбежит девчонка. А она хорошая, аккуратная, жалко человека терять.

— Принято, — Марк примирительно поднял ладони. — Только ты Глебу сама лекцию прочитай. Боюсь, меня он не услышит.

— Меня услышит, будь спокоен, — отрезала Лина. — Привык там у себя по квартире голяком скакать. Здесь пусть приличия соблюдает.

— Так он, может, для Катьки и старается, чтобы глаз радовался, — хитро подмигнул Марк, отставляя пустую чашку. — Ладно, бывайте. Я в бассейн.

Он направился в крыло со спа-комплексом. По пути миновал спортзал с рядами тренажёров и остеклённый зев сауны. Везде было пусто, чисто. И до зевоты идеально.

Полупрозрачная дверь бесшумно ушла в стену, и Марк вышел в застеклённое пространство огромного бассейна. Масштаб чаши впечатлял — хоть соревнования проводи. Вода, кристально чистая, отливала бирюзой. Справа, из блестящей колонны, шумно лился водопад.

Он остановился у бортика, осмотрелся и поймал взглядом одинокую фигуру в воде. Девушка стояла к нему спиной, держась руками за край, подставляя тело под струю противотока. Длинные медно-рыжие волосы расплылись по воде, как огненный нимб. Тонкая спина, узкая талия, плавный изгиб бёдер — сложение балерины.

Марк задержал на девушке взгляд — с чисто мужским оценивающим любопытством. Фигура была по-настоящему красивой, без излишней худобы и нарочитой накачки.

Он двинулся вдоль бортика, подошёл ближе, остановился прямо у неё за спиной — на расстоянии вытянутой руки. Она всё ещё не замечала его: мерный шум водопада перебивал о стальные звуки.

Марк стоял и смотрел на неё сверху вниз, не шевелясь и ничем себя не выдавая. Просто наблюдал, как она медленно водит руками в прозрачной воде. В этом было что-то беззащитное и одновременно завораживающее.

То ли она наконец почувствовала его присутствие, то ли просто обернулась интуитивно. Их взгляды встретились. Марк не успел улыбнуться, как девушка коротко, звонко вскрикнула. От неожиданности дёрнулась, потеряла равновесие и отшатнулась, судорожно пытаясь прикрыться руками. Вода плеснула через край, окатив его босые ноги и льняные штаны.

Марк даже не сдвинулся.

— Твою мать! — выпалила она, мгновенно прячась по плечи в воду и глядя на него круглыми, яростными глазами. — Ты чего пялишься?! Отвернись сейчас же!

Марк усмехнулся и лениво сделал шаг назад:

— Я, между прочим, хозяин этого дома. И имею полное право ходить, где хочу, и смотреть, куда вздумается. А вот ты — в моём бассейне.

— Я знаю, что ты хозяин, — фыркнула она, всё ещё пытаясь уйти глубже. — Но совесть иметь тоже надо!

— А ты могла бы не орать на весь дом, — парировал он. — Давай знакомиться, что ли. Или мы вчера уже знакомились?

Она прищурилась. По лицу было видно: она очень быстро сообразила, что этот тип напротив не помнит ни ночного клуба, ни такси, ни того, как она тащила его сюда. Недоверчиво приподняв бровь, спросила:

— Серьёзно? Ты вообще ничего из вчерашнего не помнишь?

— Абсолютно, — честно признался он, присаживаясь на корточки у кромки воды. — Чистый лист. Так что давай, просвети меня. И заодно объясни, как ты оказалась в моём доме и почему плаваешь в моём бассейне совершенно голая.

— Дай халат и отвернись, — без нажима, но тоном, не терпящим возражений, скомандовала она.

И, к собственному удивлению, Марк подчинился. Было в её голосе что-то такое, властное, что заставило его на автомате выполнить приказ. Он снял с крючка махровый халат, бросил на бортик и встал спиной к чаше. Очень давно Градовым никто так жёстко не командовал, тем более — обнажённая девушка.

— Можно поворачиваться? — спросил он спустя несколько секунд.

— Торопишься?

За его спиной продолжалось шуршание плотной ткани.

— Всё! Кто не спрятался — я не виноват, — Марк резко развернулся всем телом.

Он ожидал увидеть девчонку, утонувшую в его халате, но с удивлением заметил, что тот сидит на ней строго по размеру. Это озадачило больше всего: откуда в доме вообще взялся такой маленький халат?

На голове у неё был сооружён аккуратный тюрбан из полотенца, и это шло ей неимоверно. Женщин в подобном облачении он повидал немало, но в этом простом облике строптивой гостьи было что-то особенное — необъяснимо манящее.

— Откуда халат? Свой привезла? Чемодан с барахлом тоже прихватила? — поинтересовался он.

— Может и прихватила, — буркнула она и попыталась обойти его по мокрому кафелю.

Он среагировал мгновенно, перехватив её за локоть — мягко, но без шансов вырваться.

— Пробралась посреди ночи в чужой дом. Плаваешь тут голая, как хозяйка. Нет, девочка, поговорить нам всё же придётся.

Она глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. Смущение ещё не отпустило, злость тоже, но его спокойный, немного насмешливый тон уже не раздражал.

— Во-первых, я не совсем голая, — огрызнулась она. — Я в воде. Во-вторых, это я привезла тебя сюда ночью. Потому что ты был пьян в стельку и не мог даже до такси дойти. А эта твоя… не знаю, кто она. Может, мама? В общем, она меня просто не отпустила, — Кира выразительно развела руками. — Заявила, что мне нужно просохнуть. Заставила раздеться и уложила в гостевой. А когда я проснулась, своих вещей не нашла — только этот халат на кресле. Пошла вниз, чтобы воды попить, и случайно попала в бассейн.

Марк слушал её с нарастающим удивлением, пытаясь выудить из провала в памяти хоть что-то. Бесполезно. Тьма.

— Значит, «эта» тебя пригласила, — он хмыкнул. — А я, получается, не приглашал.

— Да ты вчера вообще был не в том состоянии, чтобы кого-то куда-то приглашать, — усмехнулась она, смерив его взглядом. — Имя своё вспомнить не мог, когда я в машине спро-

сила. Ты был просто в стельку пьяный, а я… просто слишком добрая. Ну, или глупая. Ещё не решила.

Марк опять усмехнулся и посмотрел на неё уже с другим интересом. В голове тут же всплыла только что увиденная картинка: рыжие волосы в воде, гибкая спина. Русалка, да.

— И как тебя зовут, чудо? — спросил он негромко.

— Кира, — ответила она, чуть вздёрнув аккуратный подбородок. — А ты Марк. Это мне твоя… ну, та женщина сказала. Она вообще кто тебе?

— Считай, близкая родственница, — уклонился от прямого ответа хозяин дома. — Зовут Аделина. И она тут главная. Ты, кстати, почему купальник не надела?

— Надевать чужое бельё? Ты в своём уме? — Кира выразительно глянула на лежащий в пакете брендовый комплект и брезгливо скривилась.

— Так он же новый, — удивился Марк. — Ты не поняла?

— Тем более. Любое новое бельё сначала стирать надо. Гигиена, слыхал?

— Не знал. Век живи — век учись, — он откровенно забавлялся. — Теперь обязательно буду этот вопрос контролировать.

— Вот и контролируй. Можешь прямо сейчас начать. А я, пожалуй, пойду. Где эту твою Аделину искать?

— Ну уж нет, — протянул он, преграждая ей путь. — Сперва мы позавтракаем. Потом спокойно обсудим наши дела. И только после этого тебя с комфортом отвезут, куда скажешь.

— Не напрягайся. Я позвоню, и за мной приедут. А всё, что нужно, я тебе уже рассказала. У тебя, кстати, зарядка для айфона есть? Телефон напрочь сел.

— Зарядку организуем. А кто, если не секрет, за тобой приедет? — Марку вдруг дико захотелось узнать побольше об этой строптивой девчонке.

— Мой парень, — Кира с вызовом подняла голову, аккуратно убрала его ладонь со своего локтя, ловко обогнула Марка по стеночке и пулей выскочила за дверь.

Он лишь беззвучно усмехнулся ей вслед, чувствуя, как глубоко внутри шевелится давно забытый хищный кураж. Нагнал беглянку у мраморной лестницы и окликнул:

— Слушай, а в каком клубе мы вчера пересеклись? Не могу вспомнить.

Кира крутанулась на пятках и посмотрела на него сверху вниз с наигранным сочувствием:

— Не мудрено. В твоём почтенном возрасте склероз уже вовсю правит бал.

— Почтенном? — Марк недовольно вытянул лицо.

— А что? Тебе сколько? Под сорок?

— Тридцать, — отрезал он. — Не старик, но и не сопляк, как некоторые.

— Это на меня намёк? — Кира скрестила руки на груди.

— Не намёк. Тебе хоть восемнадцать есть? Мама как одну отпускает? Знает, что ты по клубам шастаешь?

— Знает. А ты зачем возраст спрашиваешь? — она прищурилась. — Спать я с тобой не собираюсь. Так что знать мой возраст тебе ни к чему.

— Про спать ты в точку, — отозвался он. — Больно колючая — устанешь иголки вытаскивать.

Кира смерила его презрительным взглядом и пошла вверх по лестнице.

— Эй, притормози. Куда разогналась? Не закончили ещё.

Она неожиданно остановилась, развернулась и уставилась на него в упор. Марк отметил про себя, какие у неё красивые глаза. И вообще — вся она вызывала странное, чертовски приятное волнение.

— Что конкретно ты от меня хочешь? — отчеканила Кира. — Мне надо уезжать. И так до обеда с тобой проваландалась.

— Проваландалась? — эхом повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Это как понимать?

— Время впустую потеряла. А могла бы делом заниматься, — Кира мгновенно стала убийственно серьёзной, и эта резкая перемена совсем не понравилась Марку. Вся прежняя игривость испарилась, а вместе с ней растаяла лёгкая романтическая аура.

— Ну, как знаешь. Серьёзно, значит, хочешь? Ладно. Аделина Витальевна! — громко крикнул он.

Лина выглянула со второго этажа, склонившись над деревянными перилами:

— Ты чего так кричишь на весь дом?

— Её одежда готова?! — Марк больше не пытался казаться радушным хозяином. Голос стал сухим и раздражённым.

— Всё в гостевой, на кресле. Пусть поднимается.

— Ты обещал зарядку, — тихо, со значением напомнила девушка, поднимаясь по лестнице.

— Чёрт. Точно. Иди, сейчас принесу.

— Ну вот, уже забыл, — мгновенно подхватила она, строго сверкнув глазами. — Я же говорю — чистый склероз. Тебе, Марк, пора мемуары записывать, пока последние воспоминания не улетучились.

Марк лишь покачал головой, но её внезапно вернувшаяся игривость уже не интересовала его. Стоило честно признать: эту словесную дуэль он проиграл. Впрочем, сейчас его занимало другое — нужно было полностью восстановить финал вчерашнего вечера и понять, откуда взялся этот нетипичный провал в памяти.

Схватив зарядку с тумбочки, он вернулся в коридор и остановился перед дверью гостевой. Поднял руку, собираясь постучать, но дверь распахнулась сама. В проёме возникла уже полностью одетая Кира.

— Принёс? Отлично, давай сюда, — она протянула руку. — На первом этаже розетки есть?

— А ты как думаешь? — язвительно спросил Марк, беззастенчиво разглядывая свою гостью с головы до ног.

Узкие джинсы, конверсы Vans из лимитки, мужская рубашка на размер больше, чем нужно. Тонкое запястье перехватывает шёлковый платок с изящным узором, на сгибе локтя висит мягкая кожаная куртка. На первый взгляд — просто. Но Марк слишком хорошо знал цену такой «простоте»: все вещи из дорогих бутиков, каждая деталь кричала о деньгах. Небрежность была тщательно выверена.

Он умел читать маркеры статуса. Перед ним явно была не студентка из общаги. Скорее, дорогая содержанка — модная сейчас история, когда девочка живёт на полном обеспечении у богатого папика.

В существование парня Марк не поверил ни на секунду. Если эта русалка вчера уехала с ним из клуба, доставила до дома и спокойно осталась ночевать, то где в этот момент был её мифический «бойфренд»? Почему не поехал за ней, не вмешался?

Подстава?

В голове одна за другой начали прокручиваться рабочие версии: кто, как и зачем мог подослать к нему эту девицу. Выведывать дома было нечего — Марк никогда не хранил важные документы в особняке, разве что счета.

Бред. Но интуиция Порченого упрямо отказывалась списывать это появление на случайность.

Справа хлопнула дверь. В коридор неторопливо вывалился Глеб — босиком и, как обычно, без штанов.

— А вот и второй подтянулся, — весело воскликнула Кира. — Что, до трусов пропился?

— Чего-о? — Глеб замер, помотал взлохмаченной головой и уставился на неё мутным взором. — Ты вообще кто?

Вместо ответа Кира ловко выдернула зарядку из руки Марка и быстрым шагом направилась к лестнице.

— Я не понял, — пробормотал Глеб, переводя взгляд на хозяина. — Марк, это что за явление?

— Пойдём, воин, я тебе всё популярно объясню, — Лина аккуратно взяла Глеба за локоть и технично затолкала его обратно в спальню, закрыв дверь.

Марк тихо, сквозь зубы, выругался и бросился догонять гостью. Он нашёл её на кухне. Девушка сидела за столом, айфон стоял на зарядке, а добрая Зина варила ей кофе и ласково поглядывала.

— Я долго ещё за тобой гоняться буду? — рявкнул Марк, закипая.

— А ты не гоняйся, — абсолютно спокойно, даже не повернув головы, отозвалась Кира. — Просто отвали от меня. Сейчас телефон немного зарядится, я кофе выпью — и распрощаемся навсегда.

Марк медленно втянул воздух через сжатые зубы, заставляя себя успокоиться. Он отодвинул массивный стул, сел напротив и уставился на неё тяжёлым, изучающим взглядом. Пробелы в памяти злили его больше всего.

— Ладно, — сказал он тише. — Раз уж ты всё равно ждёшь айфон, давай восстановим хронологию. У меня есть вопросы. Интересуют подробности вчерашнего вечера.

Кира помедлила, взвешивая что-то в голове, потом чуть заметно кивнула:

— Валяй. Только быстро.

— С кем ты пришла в клуб?

Она набрала воздуха, собираясь ответить, но не успела — дверь кухни плавно отворилась, и на пороге возникла массивная фигура Глеба. Он уже был полностью одет: в плотной тёмной футболке и спортивных штанах. От его утренней растерянности не осталось и следа. Парень молча кивнул Зине. Та мгновенно налила ему кружку крепкого кофе. Рудин благодарно приобнял её за плечо, взял напиток и молча устроился рядом с Марком, скрестив мощные руки на груди.

— И как её звать? — небрежно спросил он у Марка.

Тот неприятно зыркнул на друга, но всё же ответил:

— Это Кира. Она меня вчера домой привезла.

Глеб нахмурился, изображая мыслительный процесс. Попытки что-то вспомнить успехом не увенчались, и он растерянно спросил:

— А я где был?

— Лина тебя не просветила? — мрачно хмыкнул Марк.

— Не успела. Начала про приличия втирать. Мол, мои трусы баб в доме пугают. Я поднял лапки, покаялся и смылся. Мы что, не вместе приехали?

— Ну вы, ребята, даёте, — Кира переводила взгляд с одного на другого. — Хотя, учитывая, сколько вы вчера выжрали, не удивительно.

— Ты что, следила за нами? — подозрительно прищурился Рудин.

— Больно надо, — фыркнула она.

— Ты уже спал, когда мы вернулись, — сообщил Марк.

— Занятно. Что-то здесь не клеится.

— Тут всё не так! — рыкнул Градов. — Кира, не отвлекайся.

— В клуб я с подругами пришла. Сидели в VIP-зоне на втором ярусе. Вас двоих не заметить было трудно — вы арендовали центральный стол у подиума и вели себя так, словно уже выкупили это место. Точнее, твой друг, — она кивнула на Глеба. — На диване танцевал, бабки швырял на подиум. Чилил по полной. Ты просто бухал и ржал над ним.

Марк хмыкнул — в этом Глеб был узнаваем.

— Это я помню, — уверенно сказал он.

— Я тоже, — поддержал Глеб.

— Так что вы мне голову морочите, если помните? — Кира встала и подошла к телефону. Посмотрела на экран, вздохнула и вернулась.

— А потом провал, — задумчиво произнёс Глеб. — Выпили как всегда… Что было дальше?

— Потом вы стали ругаться. Мы как раз мимо вас на танцпол шли.

— Мы? Ругаться? Да такого быть не могло. Мы лет пятнадцать не ругались, — Рудин недоверчиво смотрел на Киру.

— Да и тогда не ругались, — уточнил Марк. — Я молча тебе морду бил.

— Может, я тебе? — прищурился Глеб.

Кира смерила обоих недовольным взглядом.

— Короче, вы разбирайтесь, кто кому морду бил, а я пошла.

Она снова встала.

— Да подожди ты, — Глеб поймал её ладонь и легонько сжал. — Мы не могли ругаться.

— Ну может, и не ругались, — согласилась Кира. — Спорили. Громко. Орали, аж слюни летели. Этот хотел в другой клуб ехать, — она кивнула на Глеба, — а ты упирался. Потом послал его.

— Куда? — не понял Градов.

— Далеко и надолго. И он пошёл, а ты остался, — она сделала паузу. — Минут через тридцать я пошла в туалет. Возвращаюсь — тебя какой-то тип в бейсболке к выходу ведёт. Ты его отталкиваешь, но он почти волоком тащит, настырно так. Я пошла за вами. На крыльце ты его пихнул и на перила животом навалился. Тошнило тебя? Я подошла и спрашиваю этого в кепке: «Ты куда его тащишь?» Парень сразу задёргался, а тут как раз секьюрити подошёл. Чел быстро слинял.

— Занятно, — снова протянул Глеб. — А чего ты влезла? Может, это наш охранник был.

— Охранники так не выглядят. Майка, драные джинсы, бейсболка. Ты где такого встречал?

— А ты прямо эксперт?

— Понятие имею, — отрезала она.

— Ладно. И что дальше?

— А дальше он в фонтан полез. В тот, что перед входом.

Глеб начал икающе ржать. Марк резко врезал ему локтем под рёбра. Не по-дружески — врезал от души, так что Глеб даже рухнул грудью на стол.

— Продолжай, — велел Марк с каменным лицом.

— Ну и всё. Сидел в фонтане и нёс какую-то чушь про море. Я залезла и вытащила тебя.

Глеб окинул взглядом её хрупкую фигурку и с сомнением покачал головой. Кира заметила и добавила:

— Секьюрити помог. Потом я поймала такси и привезла тебя сюда.

— А сама чего со мной поехала?

Марк был мрачнее тучи.

— Так ты сам просил. Вцепился в меня мёртвой хваткой. Да и машина того типа, который тебя тащил, так и осталась на стоянке. Решила проводить от греха подальше.

Марк не мигая смотрел на девушку и просто не мог поверить услышанному. Какой-то сюр. Мелкая девчонка не побоялась впрячься за него в мутной ситуации. Либо совсем глупая, либо безбашенная. Что это было на самом деле? Кто решил его похитить? Неужели случайные грабители?

— Не боялась ехать неизвестно куда? — наконец спросил он после долгого молчания.

Кира сунула руку в задний карман и достала чёрный электрошокер. Одно нажатие — воздух прорезал резкий, злой треск. Зина охнула и вздрогнула. Ребята посмотрели на девушку с лёгким сожалением. Эта игрушка была скорее психологическим оружием.

— Думаешь, я совсем дура? Во-первых, я знаю этот район. Во-вторых, адрес подружке скинула. В-третьих, маме сказала, что ночую у неё. Так что меня бы нашли, если что.

— В соседнем лесу разобранную на запчасти, — нарисовал Глеб возможный исход. — Ну ты и дура…

— Глеб! — хрипло рыкнул Градов. — Не неси чушь!

— Ага. Понял. Значит, ты заранее планировала остаться, — Глеб поднял палец. — Раз предупредила всех…

— Не выдумывай. Я подруге отсюда написала, когда ваша Аделина меня не отпустила.

— Спасибо. Теперь всё ясно, — устало буркнул Марк.

— А мне вот не всё, — поднялся Глеб.

Градов тяжёлым взглядом осадил его на место.

В этот момент смартфон Киры подал сигнал. Экран ожил. Она выбралась из-за стола, отключила провод, быстро набрала номер и продиктовала адрес. После чего осталась стоять у двери, собираясь уйти.

— Ну всё, я пошла, — бросила она, коротко взглянув на Марка. — Спасибо за гостеприимство. И за кофе, Зина.

Она исчезла за дверью. Глеб молча последовал за ней. Марк даже не пошевелился, продолжая сверлить взглядом столешницу.

Рудин вернулся через пять минут, уселся на своё место и отхлебнул остывший кофе.

— Мерс за ней приехал. Из авдеевской конюшни. Я эту тачку знаю.

— Чего?.. — Марк вскинулся так резко, будто его ударило током.

ГЛАВА 3

В голове Градова за доли секунды всплыла информация о хозяине «мерседеса». Пётр Петрович Авдеев — фигура в столичном бизнесе тяжёлая и влиятельная. До списка Forbes не дотягивал, но его закрытая империя, завязанная на сырьевой экспорт, крупное промышленное строительство и логистические цепочки, ворочала колоссальными деньгами. Их пути с Марком никогда напрямую не пересекались — делить им было нечего. Градов видел его лишь несколько раз на закрытых приёмах и деловых раутах. Крепкий старик лет семидесяти. Протокольные рукопожатия, вежливые кивки издалека. На этом всё.

По слухам, доходившим до Марка, Авдеев давно жил совершенно один. Трагедия десятилетней давности выкосила всю его семью: единственный сын, невестка и внук погибли при крушении частного вертолёта где-то в Европе — то ли во Франции, то ли в Монако. Жена олигарха так и не смогла пережить это горе и тихо угасла через год. Из всей родни у старика оставался только племянник. Марк несколько раз встречал его на мероприятиях — вроде бы нормальный, адекватный парень, занимавший один из руководящих постов в компании дяди.

Градов откинулся на спинку стула, чувствуя, как утреннее раздражение сменяется почти восхищённым изумлением.

— Ну и ну… — протянул он, покачав головой. — Кто же ему Кира? Любовница? Содержанка? Вот уж не думал, что старик решит так круто завернуть под конец жизни. Ай да старикан. Я его прямо зауважал. Неужели реально решил себе прямого наследника соорудить?

— Ну а кто ещё? — Глеб пожал мощными плечами. — Девка молодая, шмотки из бутиков, уезжает на представительском «мерседесе» с авдеевской охраной. Всё сходится.

Марк молчал, разглядывая пустую кофейную чашку Киры. Интуиция Порченого упрямо продолжала крутить версии. Если Кира близка к Авдееву, то вчерашняя попытка какого-то

левого чела технично увести пьяного Марка из клуба могла иметь совершенно иной смысл, чем простое ограбление.

Глеб достал из кармана телефон, разблокировал экран и протянул Марку. На дисплее высветился чёткий, сделанный при дневном освещении снимок Киры. Она стояла на крыльце дома, глядя прямо в объектив.

— Откуда? — Марк удивлённо приподнял бровь, переводя взгляд с экрана на друга.

— На прощание сфоткал, — Глеб убрал аппарат. — Ты же не рассчитывал, что я её без опознания отпущу?

— Можно же было просто с камер скрины взять, — хмыкнул Марк.

— Так надёжнее, ракурс чистый, лицо как на паспорт. Кстати, девчонка не возражала. Сама замерла на секунду и зыркнула в камеру.

— Ладно, пошли в кабинет, загрузим в систему, — Марк решительно поднялся со стула. Его аналитический ум уже включился в работу на полную мощность. — Найдём её через базы и соцсети, тогда и поймём, кто она такая на самом деле и какую роль играет у Авдеева. А сразу после этого — пулей в клуб. Нужно лично поднять записи с камер видеонаблюдения и выяснить, что за гнида пыталась увести меня.

Он на секунду замер у дверей кухни, взгляд стал ледяным и собранным:

— И ещё, Глеб. Прямо сейчас позвони в клинику. Организуй нам экспресс-анализ крови. Сдадим оба. Нам вчера, сто процентов, что-то подсыпали в виски. Не могли мы с тобой, учитывая нашу закалку, так безбожно нажраться, чтобы напрочь отключилась память. Нас вели, Глеб. И возможно, мне очень повезло, что эта рыжая русалка оказалась рядом.

Глеб хмуро, понимающе кивнул и залпом допил остатки остывшего кофе. Расслабленное утреннее настроение в доме окончательно испарилось — хищники из Сити почувствовали след чужой охоты.

Кабинет Марка представлял собой строгое функциональное пространство на втором этаже: белые стены, дизайнерская мебель из тёмного дерева, безупречная оргтехника. Но главной деталью интерьера было полотно известного художника — большой портрет бабушки Анны Борисовны. Пожилая женщина смотрела со стены строгим, но бесконечно добрым взглядом учительницы. Едва переступив порог, Глеб привычным, размашистым движением перекрестился на портрет. Марк отнёсся к этому спокойно. От кого-то другого такого отношения к портрету бабушки он бы не потерпел, но Глеб знал всю её историю от начала и до конца, и действительно относился к Анне Борисовне как к святой.

Глеб периодически ходил в церковь, но его вера была проста: он признавал, что есть вещи, которые не объяснишь логикой, и не искал ответов. Он просто чувствовал — есть кто-то или что-то выше, чему нельзя не доверять. Во время службы по контракту в одной из горячих точек полковой священник подарил ему простую ладанку. Глеб послушно носил её на шее, не снимая. А потом случился тот страшный бой, когда весь его взвод до единого человека погиб под миномётным обстрелом. Рудина чудом не задел ни один осколок, но взрывная волна лишила его сознания и погребла заживо под взрыхлённой землёй. Он неподвижно пролежал около получаса. Когда сознание вернулось, сумел самостоятельно выбраться и почти сутки добирался до своих, вынужденно отошедших на другие позиции. Он свято верил, что выжил в той мясорубке исключительно благодаря ладанке. Анну Борисовну он без лишних раздумий тоже отнёс к святым — это было его личное решение, и Марк не возражал, хотя сам оставался убеждённым агностиком.

Градов прошёл к столу, сел в глубокое кресло и быстрым движением открыл ноутбук.

— Ладно, святой отец, давай сюда свой телефон. Посмотрим, под какими звёздами плавает наша русалка.

Марк сбросил файл на рабочий стол, открыл фотографию Киры почти на весь экран и запустил поисковый алгоритм, работавший по закрытым базам данных и социальным сетям. Спустя пару секунд система тихо пискнула, сигнализируя о первых результатах.

— Кира Александровна Каминская, — по слогам прочитал Марк и тяжело откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову. — Двадцать четыре года.

— Ни за что бы не дал, — удивился Глеб, разглядывая анкетные данные на мониторе. — Выглядит еле-еле на восемнадцать.

— Да просто прикид у неё подростковый, — Градов сощурился. — Кеды, оверсайз. Представь её в вечернем платье, с укладкой — и все её годы сразу встанут на место. Так, смотрим дальше... Мать — Людмила Викторовна Каминская, отца нет. Братьев и сестёр тоже. Почти сирота. Зато образование зачётное. Окончила экономический факультет Финэк. Землячка моя…

Марк быстро пролистал служебную карточку из закрытых баз ведомств:

— На данный момент работает аналитиком в инвестиционной компании «Союз-Финанс».

Глеб сразу оживился, подавшись вперёд:

— Опа! Вот и конкуренты по консалтингу нарисовались. Вот тебе и хвост, Марк! Говорил же — подстава. Подослали девку. А с мужиком постанова. Ну не верю, чтобы она так просто за тебя вписалась.

Марк лишь недовольно скривился:

— Не мели чушь, Глеб. «Союз-Финанс» — мелкая карманная контора, они нам не конкуренты, мы в разных весовых категориях. Они даже не знают, какие объёмы мы крутим. Но… — Градов зафиксировал строку бенефициаров, — там в учредителях числится Авдеев. Небольшой процент у него, можно сказать, бросовый. Но это уже связь с Кирой — пусть тонкая, косвенная, но реальная.

Они открыли её личные страницы в социальных сетях. Марк принялся быстро листать фотографии, анализируя окружение девушки. Снимков было много, в основном — из Европы. Париж, Лондон, Барселона. Роскошные виды, дорогие отели. Чуть позже пошли более свежие кадры: Подмосковье, весёлый пикник на природе, шашлыки. Ночные клубы, художественные выставки, театр, опера. Кругом одни и те же лица — подруги, подруги, подруги. Из парней в кадр попали разве что несколько слащавых мажоров, которые явно не тянули на статусных кавалеров. Самого Авдеева на фотографиях нигде не было. Либо старик тщательно берёг личную жизнь от чужих глаз, либо они ошиблись, и она не связана с ним напрямую. Может, девчонка просто крутит с его водителем?

— А вот и её колёса, — Глеб ткнул пальцем в экран, где Кира позировала на фоне новой машины.

Это был новенький Zeekr X — компактный, но футуристичный электрический кроссовер от премиального суббренда Geely. В Москве такая машина в максимальной комплектации стоила выше пяти миллионов, но в отличие от громоздких внедорожников выглядела изящно и технологично. Говорили, разгоняется до сотни быстрее многих спорткаров, а в салоне — настоящий космический корабль с экранами и айсберговой подсветкой. Для столичной элиты это был новый маркер статуса — не крикливый, а умный и современный.

— Неплохо для простого аналитика из мелкой конторы, — хмыкнул Глеб. — Машина за пятёрку лямов, шмотки из закрытых бутиков и авдеевский мерс в качестве утреннего такси. Похоже, наш дедушка-миллиардер очень ценит своего главного аналитика.

Марк молча смотрел на снимок Киры у машины. Версия про обычную содержанку оставалась самой логичной, но её качественное образование и реальная работа аналитиком никак не укладывались в этот банальный трафарет. Хотя числиться в штате она могла и номинально — просто получать красивую зарплату для отвода глаз. Но как тогда расценить инцидент с

неизвестным в ночном клубе? Мозаика получалась слишком сложной, и Градову это категорически не нравилось.

— Ладно, хорош гадать, — Марк резко захлопнул ноутбук. — Собираемся. Едем в клуб.

Глеб тут же достал телефон и коротко бросил в трубку начальнику смены:

— Готовь бронированный «гелендваген». И второй в прикрытие. Быстро.

Они решили перестраховаться. Лучше сейчас выглядеть параноиками, чем потом жалеть, что пренебрегли безопасностью. В гараже у них стояли два идентичных тяжёлых броневика класса VR7. Когда-то, на заре покорения Сити, они использовали их для безопасной транспортировки крупных сумм наличности и документов, а теперь старые машины пригодились и для них самих.

Глеб быстро переоделся — в гардеробной Марка для него всегда висел дежурный комплект вещей. Градов сменил домашние штаны на строгие тёмные джинсы и лёгкую куртку. Через десять минут они уже спускались на парковку. Во второй гелик плотно упаковалась четвёрка парней из личной охраны — теперь передвигаться по столице они будут только так, пока до конца не разберутся в ситуации.

Дорога до клуба заняла около часа. Благодаря связям Градова администрация заведения пошла навстречу мгновенно — управляющий лично встретил их у служебного входа и провёл в закрытую комнату службы безопасности. Но на месте их ждал неожиданный поворот.

Начальник охраны, листая журналы допусков, виновато шмыгнул носом:

— Марк Николаевич, тут такое дело… Часов пять назад эти записи уже просили посмотреть.

— Кто? — Глеб мгновенно подошёл ближе, нависая над парнем всей своей массой.

— Не представились. Но ребята типа вас — крутые, серьёзные, наглые. Посмотрели и уехали.

Марк и Глеб переглянулись. Кто? Те, кто устроил ночную охоту?

— Ладно, врубай видео, — приказал Марк.

На больших мониторах поплыли ночные кадры. Рассказ Киры подтверждался до мельчайших деталей. Вот Глеб с диким драйвом отплясывает на кожаном диване, лихо швыряя пятитысячные купюры прямо на подиум к танцовщицам. Вот Марк угрюмо заливает в себя виски, а затем между друзьями вспыхивает тот самый громкий спор. Глеб уходит. Спустя полчаса и Градов, шатаясь, направляется к выходу.

Камера на выходе чётко зафиксировала парня в низко надвинутой бейсболке. Тот перехватил Марка у дверей и жёстким, явно профессиональным болевым захватом за запястье потащил за собой. Марк пытался брыкаться, на крыльце грубо отпихнул конвоира. В этот момент в кадре появилась Кира. Она смело шагнула к ним, что-то резко спросила, парень в кепке дёрнулся, а когда из дверей показался массивный силуэт секьюрити — неизвестный быстро растаял в темноте.

Наконец камера выдала финал этой драмы. Если бы ситуация не была настолько серьёзной, Глеб с Марком сейчас поржали бы вволю. На экране Градов на автопилоте шлёпал прямо в подсвеченную чашу декоративного фонтана перед клубом, усаживался там и активно жестикулировал, видимо, рассказывая невидимым зрителям про море. Хрупкая Кира, размахивая руками, лезла в воду следом, хватала его за шкирку и при помощи подоспевшего секьюрити выволакивала — все девяносто с лишним килограммов — на асфальт к подъехавшему такси.

Марк смотрел на экран, и его челюсти сжимались всё сильнее. Он приказал остановить запись, где лицо парня в бейсболке хоть как-то можно было разглядеть. Хотя надежды на это было немного: козырёк сплошной тенью скрывал черты.

— Перешли нашему айтишнику, — ледяным тоном бросил он Глебу. — Пусть максимально увеличит и очистит. Мне нужно его лицо.

ГЛАВА 4

Тяжёлый бронированный «гелендваген» плавно и бесшумно катил по столичным улицам. Сидя на заднем сиденье, Градов внезапно поймал себя на остром, удушающем чувстве: он ощущал себя запертым в массивном стальном сейфе. Окна класса VR7 не открывались, толстые многослойные стёкла практически полностью отсекали звуки бурлящей Москвы, и Марку вдруг стало трудно дышать. Ему казалось, что воздух в салоне стал густым и липким.

После стольких лет полной, абсолютной свободы на них неизвестно откуда навалились эти туманные угрозы. Глеб, сидевший рядом, что-то оживлённо говорил, жестикулировал, обсуждал план действий, но Марк его практически не слышал. В ушах стоял глухой ровный гул, а в голове по сотому кругу прокручивалось одно и то же.

Он снова и снова препарировал роль Киры в этой ночной истории. Думал о её возможной связи со стариком Авдеевым и яростно злился на себя за то, что ещё пару часов назад в бассейне заигрывал. Да, признал он, именно заигрывал. Ловил гипнотическое, по-детски беззащитное выражение её лица. Глупец. Обыкновенная, расчётливая охотница за богатыми мужиками — упакованная в дорогие шмотки. Но по-настоящему задевало другое: с её редкой, породистой внешностью, идеальным телом и острым умом она без труда могла бы найти себе кого-то помоложе, чем семидесятилетний увядающий старик.

Впрочем, Марк тут же мысленно одёрнул себя. Кто он такой, чтобы читать нотации? Сам никогда не заморачивался этическими дилеммами и шёл к цели по головам, если того требовал бизнес. Но внутри всегда оставался один незыблемый, железобетонный маркер Порченого: он никогда не обманывал и не обижал слабых. Никогда не трогал тех, кто не заслужил удара. Марк Градов только защищал своё и восстанавливал справедливость. По-своему — жёстко, цинично, с позиции силы — но считал, что это было во многом оправдано. И то, что его вчера попытались использовать в какой-то чужой игре, требовало немедленного и сокрушительного ответа.

Машина мягко притормозила у стеклянных дверей клиники. Охрана из второго гелика уже контролировала периметр.

Результаты экспресс-теста крови и мочи были готовы ровно через сорок минут. Заведующий токсикологической лабораторией лично принёс распечатку в кабинет и плотно притворил за собой дверь. Лицо его было предельно серьёзным.

— Марк Николаевич, Глеб Леонидович... Ситуация скверная, — врач положил листы на стол и постучал по ним колпачком ручки. — В крови у вас обоих обнаружена убойная комбинация психоактивных веществ. Это не банальный клофелин, от которого вы бы просто рухнули лицом в салат. Вас отравили очень профессионально.

Марк придвинул распечатки, вглядываясь в сложные химические формулы:

— Ближе к делу. Что это за дрянь?

— Скополамин в сочетании с высокой дозой синтетического бензодиазепина нового поколения, — объяснил токсиколог. — В определённых кругах эту смесь называют «дыханием дьявола». Главная фишка этого коктейля в том, что он полностью подавляет волю, но не отключает двигательные функции. Человек остаётся на ногах, с виду он дееспособен, может ходить, говорить, выполнять приказы и даже казаться окружающим просто сильно пьяным. Но его рассудок в этот момент полностью отключён. Он превращается в абсолютно покорного биоробота, у которого стёрты все барьеры защиты.

Врач сделал паузу и посмотрел Марку прямо в глаза:

— А самый страшный побочный эффект наступает после пробуждения. Этот состав блокирует передачу информации из краткосрочной памяти в долгосрочную. Происходит глубокая антероградная амнезия. Проснувшись, человек физически не способен вспомнить, что он

делал, куда шёл, что подписывал и кому отдавал ключи в течение последних шести-восьми часов. Полный, глухой провал в памяти. Рассудок возвращается, а воспоминаний — ноль.

Глеб резко поднялся, прошёлся по кабинету и вдруг остановился, глядя на Градова в упор:

— Марк! Получается, если бы рыжая вчера не влезла, этот тип мог увести тебя куда угодно? Заставить перечислить бабки, подписать любые документы, отдать ключи от сейфов, а утром мы бы ничего не смогли доказать? — Он с силой ударил ладонью по столу. — Мы бы просто проснулись с пустыми карманами, и всё! Никто бы ничего не нашёл!

— Именно так, — кивнул доктор. — Вы бы сами всё отдали, с улыбкой на лице, а утром искренне удивлялись бы. Вам помогло ещё одно. Насколько я понял из вашего рассказа — Марк Николаевич умудрился залезть в фонтан. Шоковый температурный перепад разбавил действие токсина. Ну и, конечно, то, что преступникам помешали, — врач на секунду умолк. — Препараты выведем капельницами, но память вам уже никто не вернёт. Эти часы стёрты безвозвратно.

Марк молча взял со стола листы с результатами анализа, долго всматривался в текст, затем швырнул их на стол. Внутри него вздёрнул голову Порченый и разгоралось пламя дикой, расчётливой ярости. Их не просто пытались ограбить. Их пытались технично, без шума и пыли, полностью обнулить, используя самое изощрённое оружие.

— Авдеев? — мрачным шёпотом предположил Глеб, наклоняясь к уху друга, чтобы доктор не слышал. — Девку подослал. Только...

— Ерунду не говори, — также тихо оборвал Марк, бросив косой взгляд на врача. — Ты можешь логично рассуждать? Или эта дрянь ещё бродит в тебе?

— И в тебе тоже, — парировал Глеб.

— И во мне, — словно автомат повторил Градов. — Только Авдеев и Кира — последние, кого можно пристегнуть к этому делу. А девчонке вообще нужно в ноги поклониться. Если бы не она...

— Мы бы сейчас мелочь на вокзале сшибали, — закончил Глеб.

— Опять ерунду несёшь. Мелочь сшибать нам не грозит. А вот тряхнуть могли по-взрослому. Не хило так карманы почистить.

— Вопрос — что было бы с тобой? Могли и утопить.

— Могли. Случайная смерть. Доктор, — Марк привлёк внимание хозяина кабинета, — а эксперты в полиции могли бы принять эти препараты за наркотики?

— Конечно, могли. А к чему вопрос?

— Ну, могли же меня и убить, а обставить как самоубийство. Под кайфом.

— Такой вариант не исключён. Правда, скополамин быстро выводится из организма. Думаю, в простой клинике у вас бы его просто не обнаружили. Вот сейчас прошло более десяти часов, и его концентрация уже очень мала. Просто вы не обычный клиент, и мы постарались.

— Спасибо, доктор, — задумчиво протянул Марк. — Ты догнал, Глеб? Похоже, меня ещё и грохнуть хотели. Обобрать и грохнуть. Ты догоняешь?!

— Не ори. Догоняю. Давай почистимся, а потом будем думать.

Оставив охрану контролировать коридор и входы, парни легли в палате интенсивной терапии под капельницы. Специальный очищающий физраствор с антидотами медленно, капля за каплей, побежал по венам, вымывая остатки «дыхания дьявола».

В палате пахло медицинским пластиком, спиртом и въевшимся в стерильные стены запахом чужой боли. Он не бил в нос, но оседал где-то в груди, заставляя дышать осторожнее. В ушах стоял монотонный, ленивый гул кондиционера, гонявшего по комнате мёртвый воздух.

Именно здесь, под этот усыпляющий шум, Марк Градов впервые в своей выверенной жизни по-настоящему задумался о смерти. До сегодняшнего дня она казалась абстракцией — сухой строчкой в криминальных сводках или желанным финалом в биографиях врагов.

Сам он, привыкший железной рукой переламывать обстоятельства, считал себя неуязвимым. Смерть просто не смела стоять на его пути. Но сейчас, глядя в стерильную белизну потолка, Марк физически ощутил, как тонка грань, отделяющая его от леденящего небытия. Несколько часов полного забвения прошлой ночью раскололи его монолитный мир, оставив один на один с пугающей реальностью чужого приговора. Смерть уже стояла за спиной — дохнула сырой могильной гнилью и лишь чудом, по нелепому стечению, прошла мимо.

От этого озарения делалось тошно. И безумно, невыносимо обидно! Почему-то с болезненным упрямством представлялось, что его непременно должны были утопить. Не застрелить в подворотне, не взорвать в машине, а спрятать на дне безымянной речушки как отработанный балласт.

Марк закрывал глаза — и с пугающей ясностью видел себя мёртвым: неестественно распухшее тело медленно покачивается в мутной воде, поднимаясь из глухого омута. Всё ближе, всё чётче. Всплывает лицом вверх. Стеклянные, пустые глаза неподвижно устремлены в серое осеннее небо. Приоткрытый рот забит илом, а к посиневшим губам намертво присосались жирные, лоснящиеся пиявки.

Откуда, чёрт возьми, пиявки?! Им же нужна живая кровь, а он — труп. Разум, ещё не до конца очистившийся от психотропной дряни, подсовывал именно эту жуткую деталь. Марк даже показалось, что он ощутил их влажное, скользкое прикосновение. Рука сама потянулась к лицу. Над верхней губой выступили капли холодного пота. Он размазал влагу пальцами и брезгливо вытер её о футболку.

Что это — страх? С чего вдруг? Он никогда ничего и никого не боялся. Ни когда его били в интернате, ни когда рушились планы и бизнес шёл ко дну.

И тут Марка накрыла злая, удушающая ярость. Планы! У него же были планы! Расписанные на годы вперёд проекты, сделки, контракты. Ему казалось, что впереди целая вечность — широкая, бесконечная, полная власти и дорогих удовольствий. Он ведь только начинал по-настоящему жить. Он даже о детях начал задумываться! Хотел когда-нибудь, когда уляжется гонка, завести наследников. Чтобы большой дом наполнился детским смехом, чтобы продолжить себя в ком-то.

И какие теперь, к чёрту, дети, если ты дохлый кусок плоти — беззвучно дрейфуешь в грязной тине, покрываясь речной слизью? Ни разу, ни на секунду он не допускал мысли, что его выстроенная с таким трудом вселенная может так нелепо схлопнуться на задворках ночного клуба.

Марк повернул голову к соседней кушетке, где неподвижно лежал Глеб. И вдруг вспомнил пьяные разговоры друга о том, как дёшево на самом деле стоит человеческая жизнь. Раньше Градов только снисходительно ухмылялся про себя, слушая эти мрачные, почти философские излияния. Теперь он понимал: слова Глеба, простые и одновременно жуткие, несли знание, которое тот лично выстрадал в грязи под обстрелами. «Там, на передке, — хрипел Глеб, когда его накрывало, — смерти абсолютно насрать, сколько у тебя бабок, какую тачку ты хотел и кого недолюбил. Ей плевать на твои планы. Она прёт напролом — воняя гарью и тухлым мясом. Давит, ломает кости, перемалывает тебя в фарш. И единственное, что имеет значение в ту секунду, — не счёт в банке, не регалии, а чисто животное: выживешь ты прямо сейчас или останешься гнить в канаве». А теперь и ему, Марку, стоявшему вершине жизни, предстояло на собственной шкуре прочувствовать эту простую солдатскую правду. Как и всем, кто хоть раз заглядывал в немигающие глаза смерти.

Марк сжал челюсти и открыл глаза, уставившись на прозрачную трубку, по которой в его вену капля за каплей стекал спасительный физраствор. Минутная слабость уходила, уступая место привычной леденящей злости.

Скучно тебе было? Получай! Ну нет… Порченый выжил в детстве вопреки всему — выжил в интернатских стенах, выжил в Москве. И речным пиявкам он тоже не достанется. Игра

пошла по-крупному — никаких правил, никакой морали. Теперь он сам станет той мясорубкой для каждого, кто рискнул проверить его на прочность.

Градов скрипнул зубами, вслушиваясь в ритмичный стук собственного сердца. Память о ночных часах была стёрта безвозвратно, но аналитический ум уже работал вовсю, перебирая возможных кандидатов в заказчики убийства. Это должен быть кто-то очень информированный, кто точно знал их схемы и был в курсе, в какой клуб они любят ездить. Капкан готовили, похоже, давно.

Марк повернул голову, покосился на флакон с физраствором — жидкость почти закончилась. Он протянул свободную руку, выдернул иглу катетера из локтевой ложбинки, соскочил с кушетки и скрылся за дверью туалета. Вернувшись, застал Глеба на том же месте — друг продолжал угрюмо пялиться в потолок.

— Хорош прохлаждаться, — нетерпеливо велел Марк. — Погнали в клуб. Нужно ещё раз перетряхнуть этот гадюшник.

Глеб медленно сел, нажал кнопку вызова и дождался медсестру. Девушка охнула, увидев, что у Марка из ранки от иглы сочится кровь. Быстро вытерла, приложила тампон, заклеила лейкопластырем, затем освободила от иглы Глеба. В отличие от Градова, тот никуда не торопился.

— Остынь, — бросил он, направляясь в туалет. — Никуда они не денутся. Сейчас отолью, спокойно подъедем и перетрахаем всё стадо.

Через полчаса два чёрных броневика вновь заняли место на стоянке у ночного клуба.

После капельницы с антидотом голова у Марка работала как швейцарские часы. По логике выходило, что отраву им подсыпали далеко не сразу. «Дыхание дьявола» — штука специфическая. Если бы порошок оказался в бокалах в начале вечера, они с Глебом мгновенно распознали бы посторонний привкус в виски. Значит, исполнители выжидали. Ждали, когда они достаточно опьянеют, когда рецепторы притупятся и перестанут различать вкусовые нюансы. Скорее всего, отраву подсунули уже глубоко за полночь — незадолго до того, как они начали спорить.

Глеб не стал размениваться на пустые разговоры с управляющим. Он прекрасно знал хозяина заведения, поэтому набрал его ещё по пути. Не вдаваясь в подробности, попросил срочно вызвать старшего администратора, который работал прошлой ночью.

В VIP-кабинет, где устроились друзья, администратор Елена вошла явно встревоженная экстренным вызовом. Отсыпающуюся после ночной смены девушку бесцеремонно подняли с постели. Марк бесшумно прикрыл за ней тяжёлую дверь, отрезая все внешние звуки.

— Кто вчера обслуживал наш стол? — негромко, но с нажимом спросил Рудин, делая шаг навстречу.

Елена судорожно глотнула воздух, поочерёдно взглянула на обоих гостей и нервно выдавила:

— Денис… Он, кстати, здесь, в зале. Наверное, подменяет кого-то из дневных официантов.

— Вызови его сюда, — безапелляционно распорядился Рудин.

Пока девушка дрожащими пальцами тыкала в экран телефона, Марк молча наблюдал за ней от окна.

— Лена, слушай меня внимательно, — Глеб понизил голос, нависая над ней всей своей массивной фигурой. — Нас вчера чуть в могилу не свели. Если мы не найдём того, кто подсыпал нам дрянь в бокалы, у вас будут большие проблемы.

— Я… я ничего не сыпала, клянусь вам! — вскрикнула она испуганно. Затем воровато зыркнула на закрытую дверь и перешла на шёпот: — Но у нас… у нас в клубе есть такая практика!

— Что?! Какая ещё, к чёрту, практика? — Марк сделал шаг вперёд, его глаза нехорошо сузились.

— Некоторые клиенты… ну, они иногда заказывают спецдобавки в напитки, — выдохнула девушка, сдавая внутреннюю «кухню» заведения. — Разные порошки, таблетки, чтобы расслабиться… Я в этом не участвую! Просто знаю, что некоторые берут!

Глеб мгновенно завёлся. Лицо потемнело, в глазах полыхнул недобрый огонёк:

— Наркота?! Вы охренели?! Практика у них! Марк, ты слышал? Я фигею! И кто её толкает?

— Бармен. Сергей, — выдавила Елена и вдруг жалобно, со слезами на глазах, схватила Глеба за рукав: — Только, умоляю вас, не выдавайте меня хозяину! Пожалуйста! Если он узнает, что я знала и не сообщила, мне конец. Я боюсь Сергея… У него друзья, которые поставляют — они страшные люди… Полгода назад один официант отказался принимать заказ — так его избили. Он до сих пор лечится. Чуть не умер. Они церемониться не будут…

Марк внимательно смотрел на трясущуюся от страха девушку. Интуиция подсказала: она не лжёт и действительно оказалась заложницей грязных махинаций бармена. Мягко отстранив Глеба, он положил ладонь на плечо девушки:

— Успокойся. Хозяин про тебя не узнает. Но про бармена мы ему сообщим. Так что пока придумывай, что будешь рассказывать хозяину. Вопросы у него так или иначе возникнут.

В дверь осторожно постучали. Глеб рявкнул — и в помещение протиснулся худой парень в хрустящей белой рубашке и чёрном фартуке. Марк подозвал его к себе, но Рудин перехватил бармена за локоть и вкрадчиво, но при этом очень выразительно поинтересовался:

— Денис, что ты вчера подлил нам в бокалы?

— Я ничего не подливал! Там был только виски! — парень испуганно захлопал ресницами, переводя дикий взгляд с озлобленного Рудина на молчаливую махину Градова. — Я клянусь! Вы же никогда ничего лишнего у нас не берёте! А… что-то случилось?

— Случилось, — спокойно подтвердил Марк. — Значит, про яд ты не в курсе?

Лицо Дениса мгновенно пошло пунцовыми пятнами, он судорожно сглотнул:

— Ка-какой яд?! Я ни при чём! Я просто принял заказ и сразу отдал Сергею на бар. Поймите, у нас… ну, бывают заказы с «добавками», но вы ничего такого не просили! Я отдал на стойку абсолютно стандартный чек! Без пометки!

— Перепутать бокалы случайно не мог?

— Исключено! — парень затряс головой так отчаянно, что едва не вывихнул шею. — У меня вообще больше не было заказов на этот сорт виски, он очень дорогой! Не мог я перепутать, физически не мог! Да и добавки мне никто вчера не заказывал. Это Сергей! Только он мог незаметно подлить или подсыпать. Сука! Я не знал! Клянусь!

— Допустим, — Глеб переглянулся с Марком. Тот едва заметно кивнул. — Садись на диван к Елене. Телефон на стол. Быстро.

Денис трясущимися руками выгреб из кармана смартфон и буквально уронил его на полированную столешницу.

— Звони бармену, — приказал Глеб Елене. — Включи громкую связь.

Девушка дрожащим пальцем потыкала в экран. В установившейся тишине прозвучал голос оператора: «Абонент временно недоступен». Тишина в кабинете стала звенящей.

— Недоступен… — прошептала Елена одними губами.

— Адрес его узнай. Поторопись.

Елена тут же набрала бухгалтерию и, заикаясь, попросила срочно поднять личное дело бармена. Через минуту она уже продиктовала адрес где-то в Новой Москве. Глеб быстро вбил его в заметки и, приоткрыв дверь, позвал:

— Семён! Зайди сюда.

В кабинет вступил коренастый парень в тёмном костюме.

— Забери у них мобилы и стань у двери. Пока мы не вернёмся, никого не впускать. Хозяину я позвоню — вопросов не будет.

Марк поднялся, привычным движением поправил куртку и, уже на выходе, обернулся к побледневшей девушке:

— И не трясись ты — нам нужно быть уверенными, что никто его не предупредит. С вами всё будет нормально.

Она судорожно закивала, прижимая дрожащие ладони к груди.

Два чёрных внедорожника летели по МКАД в сторону Новой Москвы, резко перестраиваясь из ряда в ряд. Глеб вёл машину, жёстко впившись пальцами в кожаную оплётку. Взгляд Марка неподвижно застыл на серой ленте асфальта, а в голове мелькали обрывки вчерашнего вечера и никак не складывались в цельную картину.

Навигатор привёл их в глубь типового спального района, к зажатой между дворами безликой шестнадцатиэтажке брежневских времен. В подъезде стоял запах сырости и дешёвого табачного дыма, намертво въевшегося в стены.

На четвёртом этаже, у металлической двери квартиры сорок два, Глеб замер. Прижался ухом к холодному металлу, затем придавил пальцем кнопку звонка. Коротко взглянул на Градова, отрицательно качнул головой и уже собирался снова придавить звонок, но вдруг втянул носом воздух и замер. Глаза округлились от мгновенного понимания. Схватив Марка за плечо, Глеб буквально отшвырнул его назад, к лестничному пролёту. Охранники резво бросились следом.

— Газ! — хрипло выкрикнул Рудин, перепрыгивая через три ступени.

Дважды объяснять не пришлось. Марк моментально прибавил шагу, спиной чувствуя невидимую угрозу.

Оказавшись на улице, Глеб сделал короткий, злой звонок в экстренную службу. Минут через десять тишину спального района разорвал истошный вой сирен. Первая аварийная машина газовой службы сходу влетела во двор. Рабочие действовали на автомате: перекрыли газовый стояк и полностью обесточили подъезд, ликвидируя малейший шанс на случайную электрическую искру. Следом подкатил тяжёлый расчёт МЧС, наряд полиции и, последним — сонный местный участковый.

Пожарные в громоздкой экипировке двинулись по этажам, замеряя концентрацию газа. Глеб, растворившийся среди зевак, негромко, но уверенно подсказал командиру спасателей:

— Из сорок второй сифонит, мужики. Мы на четвёртом живём — там сильнее всего разило.

Бойцы МЧС поднялись на площадку. Использовать тяжёлый бензорез было бы чистым самоубийством. К счастью, дверь оказалась дешёвой китайской жестянкой, какие в новостройках ставят тысячами. Спасатели аккуратно, без особых усилий, вскрыли её мощными монтировками. Замок со стоном поддался, полотно послушно выгнулось, и тяжёлые фигуры в противогазах бесшумно исчезли в душном проёме.

Внутри спасатели обнаружили безжизненное тело. Молодой человек сидел на кухне, безвольно уронив голову на стол прямо перед конфорками плиты. Прибывшие медики вынесли предварительный вердикт: смерть наступила в результате токсической асфиксии.

Пока во дворе среди луж и серого бетона шумно суетились люди из МЧС, а санитары готовили труповозку, Марк осторожно отвёл пожилого участкового подальше от посторонних

глаз и объективов камер. Пара крупных купюр, незаметно перекочевавшая в карман форменной куртки, подействовала на полицейского магически, мгновенно развязав ему язык. Градов ловко прикинулся репортёром какого-то малоизвестного столичного издания, а банкноты заменили служебное удостоверение. В результате капитан, уже успевший накоротке переговорить со спасателями, выложил всё, что интересовало Марка: в квартире, где обнаружили труп молодого парня, царил образцовый порядок, никакой предсмертной записки не нашлось, а входная дверь была просто захлопнута на защёлку.

Неизвестный режиссер ночной драмы очень сильно хотел, чтобы бармен умолк навсегда, и кто-то довольно бездарно попытался изобразить банальный бытовой суицид.

— Возвращаемся в клуб, — хмуро, сквозь зубы бросил Марк, когда они снова откинулись на кожаные сиденья гелика. — Набирай хозяина. Хочу лично предъявить этому деятелю весь расклад. Пусть объяснит, какого хрена в его элитном гадюшнике травят людей, как крыс. Это, кстати, твой кореш? Ты же с ним бухал?

Глеб в ответ лишь зло выругался. Он резко выкрутил руль, придавил педаль газа и тяжёлый внедорожник рванул обратно — в сторону зеркальных башен Москва-Сити.

В третий раз за день друзья стремительно прошли сквозь стеклянные двери и спустились в полумрак клуба. Владелец заведения, сорокалетний грузин Тариэл, уже ждал их в пустом зале. Он сидел в VIP-ложе, лениво наблюдая за репетицией вечернего эротического шоу. Холёный, вальяжный, одетый в безупречный, сшитый на заказ итальянский костюм, обычно Тариэл излучал кавказское радушие. Однако сейчас его породистое лицо выглядело напряженным. Он слишком хорошо понимал: если эти ребята весь день утюжат его клуб, произошло что-то из ряда вон выходящее.

Марк молча подошел и небрежно бросил на стол перед Тариэлом распечатку из лаборатории на Пречистенке. Затем плюхнулся в кресло напротив хозяина. Глеб приземлился рядом.

Тариэл достал из кармана очки, нацепил их, пробежал глазами по сложным терминам и в растерянности поднял голову:

— Что это, Марк? Я не понимаю.

— Психотропы, — ледяным тоном ответил Градов. — Смертельная дрянь. Ещё пару часов назад эта химия гуляла во мне и вот в нём, — Марк коротко кивнул на угрюмого Глеба.

— Я не понимаю, дорогой, при чём тут мой клуб? — Тариэл натянуто улыбался, но на лбу уже выступила испарина.

— А я тебе сейчас популярно объясню, — Марк подался вперёд. — Твой старший бармен вчера, наверняка за приличную сумму, зарядил этой гадостью наши бокалы. После меня едва не грохнули на твоей парковке, как покорного зомби. Что на это скажешь, хозяин?

Лицо Тариэла мгновенно налилось гневом. Он сорвал очки и, хищно прищурившись, заявил:

— Я сейчас же прикажу охране доставить эту тварь сюда! Если он посмел, я его лично накажу! Он отсюда живым не уйдёт!

— Даже в очередь не становись, — хмуро оборвал Глеб. — Его уже нет.

Тариэл на секунду застыл, переводя дыхание, а затем криво усмехнулся:

— Ну вы, ребята, конечно, даёте… Быстро управились.

— Да не мы это, успокойся. Мы не успели, — жёстко обрубил Марк. — Его, по всей видимости, ликвидировали сразу, как домой вернулся. Его же подельники и кончили. Провернули топорную инсценировку суицида. Не получилось у них упаковать меня, запаниковали — вот и убрали исполнителя.

— Чтобы он их не сдал, — добавил Глеб.

— Так что, Тариэл, такие вот пироги с пиявками. Ты, я смотрю, вообще не контролируешь, что у тебя под носом творится.

Градов обернулся к стоявшему за спиной охраннику:

— Скажи Семёну, пусть отпустит девчонку и официанта. И мобильники им верните.

— Подожди, — вскинулся Тариэл, тяжело поднимаясь с дивана. — Я хочу сам с ними разобраться!

— Да они не при делах, — осадил его Марк. — Мы уже во всём разобрались. Не трогай ребят. Пусть работают. Твой бармен в одиночку всё провернул. Нас, видимо, кто-то заказал, а его просто подрядили за очень большие бабки. Так что ищи себе нового бармена, Тариэл.

Грузин молча опустился обратно на диван. До него наконец дошёл весь масштаб катастрофы. У Градова и Рудина на руках была стопроцентная, железобетонная доказуха. Если они сейчас пустят волну, его элитного заведения не станет за неделю. А уж что могут предъявить силовики... У Тариэла на спине зашевелились волосы. Силовики могли отобрать всё.

Но, похоже, эти парни не собирались поднимать официальный шум. Придя к такой мысли, Тариэл облегчённо выдохнул и заговорил совершенно другим, заискивающим тоном:

— Марк, Глеб, вы же меня знаете… Теперь я ваш должник. Отныне вы здесь не просто VIP-гости. Для вас в этом заведении — стопроцентная, пожизненная скидка — на всё. На любые напитки, столы, шоу. Всё за мой счёт.

Глеб, до этого хмуро сопевший в углу, мгновенно оживился. На его суровое лицо вернулась привычная наглая ухмылка:

— Это что получается — халява?

Марк улыбнулся, но глаза оставались холодными и пустыми.

Он повернулся к хозяину клуба и протянул ему руку:

— Спасибо за понимание, Тариэл. Инцидент исчерпан. Но записи с камер за вчерашний вечер я забираю. Нам ещё нужно кое-кого найти.

— Сейчас, сейчас. Я скажу, чтобы сделали копии, — засуетился грузин.

— Не копии, — покачал головой Марк. — Я заберу жёсткий диск.

Тариэлу, в его положении, оставалось только согласиться.

Через десять минут охранник принёс винчестер. Делать здесь было больше нечего, и друзья направились к выходу. На полпути Марк свернул к уборной:

— Ты иди, я догоню. Отлить хочу.

На стоянке Градова встретила несколько странная картина. Глеб почему-то сидел на заднем сиденье «гелендвагена» сопровождения, а не за рулём их автомобиля. Дверца была распахнута настежь — он о чём-то тихо переговаривался с парнями из охраны, стоявшими снаружи.

— Поехали, — на ходу бросил Марк и открыл пассажирскую дверь своего броневика. — Чего расселся?

— Я к себе на хату, — вполголоса отозвался Глеб, даже не сделав попытки подняться.

Марк замер у открытой дверцы и удивлённо приподнял бровь:

— В смысле? Бросишь меня одного?

— Да нет... Мне просто нужно, — Глеб отвёл взгляд и неловко повёл мощным плечом. — Я договорился. Меня ждут.

Марк застыл в полном недоумении. Такого никогда не было. Последние годы они всегда держались вместе, особенно когда пахло порохом.

— Что значит «ждут»? — Градов нахмурился. — Подождут твои дела. Переигрывай давай. Поехали ко мне. Спокойно всё обсудим.

Глеб упрямо мотнул головой, давая понять, что не сдвинется с места. И тут до Марка наконец дошло. На лицо наползла ехидная понимающая ухмылка:

— Тёлка, что ли, очередная?

— Базар фильтруй, Градов, — мгновенно напрягся Глеб, голос опасно потяжелел, взгляд стал колючим. — Своих девок тёлками называй, понял?

Марк от души хлопнул себя ладонью по колену и громко заржал на весь подземный паркинг:

— Да ладно! Ничего себе! И кто это нас так сурово зацепил?

— Не твоё дело, — буркнул Рудин, упрямо поджав губы. — Узнаешь, когда нужно будет.

— «Нас на бабу променял...» — шутливо пропел Марк, откровенно издеваясь над другом.

Глеб угрожающе ухмыльнулся, выбрался из салона и медленно двинулся на Марка, сжимая свои пудовые кулаки:

— Ну всё, Градов, ты договорился!

Четвёрка бойцов охраны, решив, что шефы сейчас всерьёз сойдутся врукопашную, слаженно попыталась встать живой стеной между ними. Марк с Глебом одновременно замерли и дружно заржали.

— Ребята, вы это сейчас серьёзно?! — сквозь смех прохрипел Глеб, глядя на напрягшихся амбалов. — Реально готовы своим здоровьем рискнуть?

Охрана даже не сдвинулась с места, продолжая чётко следовать инструкции.

— Ладно вам, расслабьтесь, мы же шутим, — Марк махнул рукой, осаживая парней.

Сделал шаг навстречу Глебу, они обнялись и похлопали друг друга по спинам.

— Ну, удачи тебе, — негромко сказал Марк. — На связи.

Глеб скривился по-доброму и уже развернулся к своей машине, как вдруг резко остановился. Обернулся и пристально посмотрел на Градова:

— Так, погоди. Я одного не понял. Мы этому баклану всё это спустим? Совсем на тебя не похоже. Не верю я, что грузин не при делах.

— Это мы с тобой понимаем, что он темнит, но сейчас ничего не докажем, — нахмурился Марк. — Пусть верит, что мы повелись на его халяву, успокоится и расслабится. Сейчас его душить некогда, у нас другие задачи. Да и настоящие заказчики пусть думают, что мы купились на их топорный театр с суицидом. А пока будем тихо копать сами. А потом... потом и с грузином за всё рассчитаемся.

Глеб удовлетворённо кивнул — такой план полностью укладывался в его картину мира.

Они расселись по машинам. Мощные двигатели взревели и внедорожники слаженно тронулись, разъезжаясь в разные стороны вечерней Москвы.

Тяжёлый броневик плавно нёс Марка сквозь огни реклам оживленного центра. Толстые многослойные стёкла наглухо отсекали суету огромного города, создавая в салоне вакуум тишины. Но сейчас она уже не давила так, как днём, не вызывала приступов клаустрофобии. Проблема никуда не делась, но хотя бы появилась некая ясность — провал в памяти нашёл своё объяснение и был компенсирован.

Водитель сосредоточенно крутил баранку, аккуратно перестраиваясь в плотных потоках Садового кольца. На переднем пассажирском кресле тенью застыл охранник, сканируя дорогу и проносящиеся за стеклом пейзажи.

Градов расслабленно сполз по кожаной спинке, прикрыл глаза и невольно улыбнулся, думая о Глебе и его внезапной секретной привязанности. Суровый Рудин, прошедший через такое, от чего у обычных людей волосы встают дыбом, никак не вписывался в образ Ромео.

В памяти Марка всплыла старая ростовская история — единственный раз, когда Глеб попытался завести по-настоящему серьёзные отношения. Всё закончилось нелепо, глупо и неприятно. Его барышня, случайно наткнувшись в квартире на пистолет, не на шутку перепугалась. Нафантазировав себе, что связалась с опасным бандитом, она в панике отнесла оружие в ближайшее отделение полиции. Пистолет-то был абсолютно легальный — наградной, полученный за боевые заслуги. Только гравировки на нём не имелось: на фронте наградные стволы выдают прямо со склада ведомства — серийные, без имён. Именная табличка появи-

лась потом, на подарочном футляре. Только для Глеба оружие — не музейный экспонат, а рабочий инструмент. Коробка с табличкой так и пылилась где-то в шкафу, а пистолет всегда находился под рукой. Разумеется, Глеб всё быстро уладил, но барышню не простил. Наступило полное, мгновенное отторжение — предательница просто умерла для него в ту же секунду.

И вот теперь, спустя столько лет, Глеб, похоже, снова кого-то впустил в свою жизнь. Марк был искренне рад за друга, хотя внутри, где-то в тёмном уголке, шевельнулась тихая, едва уловимая досада. Он с неохотой констатировал, что с ним самим ничего подобного никогда не происходило. В его жизни были только случайные, ни к чему не обязывающие связи. Иногда короткие, на одну-две ночи, иногда чуть более продолжительные, когда женщина задерживалась в его постели. Но финал всегда оставался одинаковым — становилось неинтересно, предсказуемо и смертельно скучно.

В последние годы продвинутые столичные мамаши из местной элиты с завидным упрямством пытались подсунуть ему своих дочек на выданье. Эти холёные мажорки, чьи мысли целиком умещались между экраном айфона и витринами бутиков, жутко раздражали Марка своей пустой глянцевой фальшью, вызывали неприязнь до ломоты в зубах. Кое в чём эти девицы были чертовски продвинутыми — знали миллион способов, как технично залезть в штаны к богатому мужику. Но вот как проникнуть в сердце, не имели ни малейшего понятия.

Внедорожник мягко притормозил перед массивными коваными воротами, дождался, пока сработает автоматика, и плавно въехал на ухоженную территорию особняка. Марк глянул в сторону большого дома. Окна светились тёплым, мягким светом — Лина не ушла к себе.

Ещё до переезда сюда Ангелина заранее наотрез отказалась жить с ним под одной крышей, твёрдо уверенная, что у каждого должно иметься своё семейное пространство. Марк спорить не стал — тем более что никогда не мог переспорить эту женщину. Он специально построил на участке просторный коттедж на две трехкомнатные квартиры с отдельными входами — для Лины и садовника. Михалыч, пятидесятипятилетний отставной подполковник, списанный вчистую после тяжелого ранения, бдительно следил за порядком на участке Градова.

«Гелендваген» прошуршал шинами по безупречной каменной плитке и замер у парадного входа. Марк толкнул массивную дверь броневика и с видимым наслаждением вдохнул напоённый вечерней прохладой воздух. Спрыгнул на площадку, с удовольствием размял затёкшие ноги и в несколько стремительных прыжков взбежал на высокое крыльцо.

Вообще-то его нынешний статус, положение в обществе, требовали солидной вальяжности, неспешности и уж точно не подросткового поведения. Но сдержаться Марк просто не смог. После долгих часов, проведённых в замкнутой стальной коробке, тело буквально требовало физической активности и движения. Ноги ныли, спина затекла, а в голове — каша, которую он надеялся разогнать этими дурацкими прыжками. Не вышло. Но хоть мышцы слегка размял.

— Хоум, свит хоум, — негромко пробурчал Марк, распахивая парадную дверь и с ходу сбрасывая лёгкую куртку на низкий пуфик в прихожей. Знал — Лина за это по головке не погладит. Пуфик был антикварный, с вышивкой ручной работы, и она берегла его как зеницу ока. Но почему-то именно сейчас хотелось сотворить какое-нибудь мелкое хулиганство. Чтобы почувствовать себя живым.

— Лина-а! — крикнул он, уловив, как мягкое эхо послушно отразилось от высокого потолка гостиной и потерялось в пространстве. На секунду показалось, что он кричит в пустоту. Но Марк знал — она услышит. Лина всегда слышала.

Как же приятно, как тепло было возвращаться домой. Он ещё не до конца привык к этому чувству. Когда есть, куда идти. Когда за спиной закрывается тяжёлая дверь, а весь мир остаётся снаружи. Когда тебя ждут.

Из глубины дома, мягко ступая по паркету, появилась Лина. Марк заметил, как она вытерла руки о фартук — и это была такая родная деталь, что в груди шевельнулось тепло.

Она внимательно посмотрела — взглядом, который видит всё — и с ходу спросила:

— Ты голодный? Я ужин тёплым держу.

Марк коротко мотнул головой:

— Нет. Я перехватил там… Пирожков наелся в городе.

Лина недовольно нахмурилась, осуждающе покачав головой. Марк заметил, как она стиснула пальцы правой руки. Она всегда так делала, когда злилась.

— Пирожков? Спрашивается, для кого Зина весь день у плиты корячится? Едите чёрт знает что, а потом будете желудком маяться.

— Мой желудок, дорогая моя, гвозди переваривает, — весело хмыкнул Марк.

Он знал, что она сейчас вздохнёт, покачает головой, но в глазах Лины уже заплясали смешинки. Он любил этот момент — когда её строгость давала трещину.

Он размашистым шагом прошёл на просторную кухню, и Лина неспешно двинулась за ним — как тень. Марк распахнул дверцу холодильника, выудил запотевшую бутылку минералки и, ловким движением свернув пробку, жадно припал к горлышку. Вода обожгла горло, и он на секунду зажмурился от удовольствия.

— Ну вот когда ты наконец научишься манерам? — сокрушённо вздохнула Лина. — Пора бы уже вести себя цивилизованно, в соответствии с твоим положением.

Марк оторвался от бутылки, вытер губы тыльной стороной ладони и лукаво прищурился. Заметил, что она бросила взгляд на руку, которой он вытер губы, и чуть заметно поморщилась.

— Я знаю только одно положение, — сказал он, сверкнув глазами. — Интересное. Да и то исключительно у женщин.

— Взрослый ведь мужик, а ведёшь себя как ребёнок, — Лина укоризненно покачала головой, хотя в глубине глаз светилась бесконечная нежность.

Эта нежность всегда сбивала его с толку. Она была слишком чистой, слишком светлой для его мира. И он не знал, что с ней делать.

Марк подошёл ближе, бережно обнял Лину за плечи и заглянул в лицо. Он видел, как она на миг напряглась. Не от испуга — от неожиданности. Он редко позволял себе такие жесты. Его голос вдруг потерял прежнюю насмешливость, став удивительно искренним и мягким:

— Дорогая моя, хорошая… Пойми, я ведь фактически пропустил своё детство. Мне с самого рождения пришлось быть взрослым. Неужели хотя бы теперь я не могу чуть-чуть побыть ребёнком? Так сказать, компенсировать упущенное?

Лина замерла. Её сердце болезненно сжалось — она слишком хорошо знала, через какой ад пришлось пройти этому мальчику.

Марк видел, как дрогнули её ресницы, как на секунду она потеряла свою обычную невозмутимость. Это было редкое зрелище — когда Лина позволяла себе быть уязвимой.

— Конечно можно, — тихо, с глубоким вздохом ответила она. — Тебе — всё можно.

Она приподнялась на цыпочки, ласково потрепала его по густым волосам. Ладонь на мгновение задержалась на его затылке, и Марк почувствовал — она переживает. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

Лина заглянула в его глаза, и голос её стал тише, но твёрже:

— Расскажи мне, Марк… Что происходит?

Градов секунду помедлил. Он чувствовал, как её пальцы всё ещё касаются его волос — тёплые, родные. И в этот момент ему отчаянно захотелось рассказать ей всё. Вывалить ту гору дерьма, которая накопилась за день. Но он заставил себя мягко улыбнуться:

— Ничего, Лина. Всё нормально. Так — рабочий процесс.

И отстранился первым. Она не стала удерживать. Только вздохнула — тихо, обречённо — и убрала руки.

Марк направился в кабинет, коротко бросив, что нужно немного поработать перед сном. Он чувствовал её взгляд — тяжёлый, пытливый. Она не поверила ни единому слову. Но он притворился, что не заметил.

Однако уединение длилось недолго. Через несколько минут дверь кабинета бесшумно приоткрылась — Лина никогда не стучала, она просто входила, когда считала нужным. Без лишней суеты, по-хозяйски она опустилась в глубокое кожаное кресло напротив его стола и замерла, уставившись выжидательным взглядом.

Марк знал этот взгляд. Так смотрят, когда заранее знают ответ, но хотят услышать его от тебя. Лина не собиралась уходить, пока не узнает правду.

— Что? — Марк оторвался от экрана, хотя уже минуту смотрел, не видя ни буквы.

— Я жду, — ровно ответила она. — Ты должен мне всё рассказать.

Она сидела неподвижно, положив руки на колени — аккуратно, как учительница, которая ждёт, чтобы ученик сознался в проступке. Марк бросил взгляд на её пальцы — бледные, длинные, с идеальным маникюром. Ни одного лишнего жеста. Лина умела ждать. И умела молчать так, что это молчание становилось сильнее любых слов.

Марк тяжело выдохнул и попытался включить дурака. Натянул на лицо привычную улыбку, которая всегда выручала в переговорах.

— С чего ты взяла, что что-то стряслось?

Лина строго качнула головой. Марк заметил, как её глаза чуть прищурились — его игру она видела насквозь. И знал — она всё равно не отступится.

— С того. На гробах этих чёрных мотаетесь. Охрана с вами постоянно. Не помните ни черта из вчерашнего. Когда такое вообще было, а? — она сделала паузу, и он почувствовал, как тишина в кабинете стала удушливой. — И кто эта рыжая?

Марк понял, что запираться бессмысленно. Внутри что-то обмякло и сдалось. Не ей — себе. Потому что устал врать. Устал притворяться, что всё нормально.

Он молча развернул к ней большой монитор, на котором светился сделанный Глебом портрет Киры, и начал рассказывать. Голос звучал ровно, почти отстранённо, как будто он говорил о ком-то другом. Он выложил всё: про «дыхание дьявола», про провал в памяти, про неизвестного в бейсболке и про то, что Кира буквально спасла его и привезла домой.

В конце монолога он замолчал и устало потёр лицо ладонями. А когда убрал руки, Лина смотрела на него с выражением, которое он не мог прочитать. Смесь сочувствия и стальной решимости.

— За ней утром приехал «мерседес» Авдеева. Судя по всему, эта Кира — его любовница или содержанка, — добавил он задумчиво.

Аделина внимательно посмотрела на экран. Она вглядывалась в портрет Киры так, будто пыталась прочитать что-то, скрытое за этим красивым лицом. Затем решительно качнула головой:

— Нет, Марк. Ты не прав. Не та у неё порода. Эта девочка не будет спать за деньги.

— Да ладно тебе, — шутливо хмыкнул Градов и попытался вернуть голосу прежнюю резкость: — А за большие деньги?

Лина посмотрела на него в упор. Прямо. Спокойно. Так смотрят на человека, который только что ляпнул глупость, но не хотят его уколоть.

— Ни за какие, — отрезала она, и в голосе прозвучала стопроцентная уверенность. — Разберись с этим.

— Мне она не интересна. Уехала — и бог с ней. Мне зачем в этом дерьме копаться? — с недоумением вопросил Марк.

Он недовольно повёл плечом, сбросив невидимый груз, и провёл рукой по шее — жест, который выдал его усталость.

— Поверь мне — нужно, — Лина задумчиво отвела взгляд к тёмному окну. За стеклом в небе мерцали звёзды, такие же спокойные, невозмутимые, как она сама.

— Ты просто пока этого не осознаёшь. — Она замолчала. Но молчание это было каким-то предвещающим. Марк терпел, зная, что Аделина говорит только когда дозреет. Наконец она посмотрела на него, чуть склонив голову. — Значит, спасла тебя... Кто бы другой рассказал — ни за что бы не поверила. Бывают же такие…

Она опять кмолкла. Марк заметил, как её пальцы легко, почти незаметно, постучали по подлокотнику. Как будто Лина отбивала ритм собственным мыслям. Она думала о чём-то важном. Потом тихо, но веско произнесла:

— А знаешь, Марк... Я уверена: тебя ведь вчера убивать никто не собирался.

Градов удивлённо приподнял бровь. Ожидал чего угодно — упрёков, нравоучений, молчаливого осуждения. Но не этого.

— Им только твои деньги были нужны, — убеждённо продолжила Лина, встретившись с ним взглядом. — Хотели бы убить — просто застрелили. Вы же с Глебом всегда без охраны. Подкараулили бы в подворотне и без лишнего шума. А тут — разыграли целый спектакль с наркотиками. Тебя хотели ограбить, но по-хитрому, чтобы ты сам всё отдал и ничего утром не вспомнил.

Марк слушал, и в груди медленно закипало тягучее раздражение. Не на Лину — на себя. Потому что она была права. А он, такой умный, такой осторожный — подставился, как последний лох.

— Так что разберись, Марк.

— Я тоже к такому выводу пришёл, — мрачно кивнул он, подтверждая её правоту. Голос прозвучал глуше, чем хотелось. — Только насчёт убивать, не убивать... Зачем им меня оставлять в живых? Я же в полицию могу пойти. Думаю, всё же ты не права. Я им живой не нужен.

— Убивать не в их интересах. Не нужно им это, — упрямо и уверенно проговорила Лина.

В голосе не было ни капли сомнения. Только спокойная твёрдость, от которой Марк всегда злился. Но сейчас злость куда-то ушла, оставив место неясной тревоге.

— Почему ты так уверена? — он нервно оттолкнул мышку. Та с лёгким стуком врезалась в клавиатуру, и он на секунду замер от этого звука.

Лина заметила. Всё замечала. Её взгляд на мгновение задержался на его руке. Марк почувствовал себя учеником, которого застали за списыванием. Он убрал руку со стола, сунул в карман. Дурацкий жест, он и сам это понял.

— А зачем? — спокойно ответила Лина, разводя руками. — Зачем лишнюю волну поднимать? Сам подумай. Такое резонансное убийство крупного консалтера мгновенно привлечёт внимание прессы... да и руководства столицы. Всех подключат — и Лубянку, и Петровку.

Она говорила это так, будто перечисляла продукты на ужин. Без пафоса, без страха. Просто констатировала факты.

— Это уже другой расклад. А так ты просто сам всё подписал и перечислил. Добровольно. По факту, Марк, такое преступление и доказать почти невозможно.

Она встала и шагнула ближе к столу. Она всегда так делала: входила в личное пространство, когда хотела донести самое важное.

— Ты сказал, что эта гадость из организма выветривается за считаные часы. Пока бы ты сообразил, пока бы кинулся писать заявление — в крови уже ничего нет. Да тебя бы в полиции просто на смех подняли! — Она даже усмехнулась, но в усмешке этой не было радости. — Сказали бы: «Загулял миллионер, пропил бабки, а теперь опомнился».

Марк представил эту картину. Следователь, который крутит пальцем у виска. Молодой стажёр, прячущий улыбку. Эксперты, разводящие руками. Вся эта машина правосудия, которая в лучшем случае пожмёт плечами, а в худшем — запишет в дураки. И он был бы бессилен. Просто бессилен.

— Единственная их уязвимость — это камеры в клубе. Ну так их бы тихо выпотрошили — и всё, — припечатала Лина.

Марк молчал. Молчал и чувствовал, как внутри всё жестче завязывается узел злости. Не крикливый, не истеричный — глухой, вязкий, который душил изнутри. Логика Аделины была безупречной. Грабители разыграли гроссмейстерскую партию, где Градов должен был остаться в живых, но оказаться банкротом и полным дураком.

Он медленно сжал кулак под столом. Потом разжал. Посмотрел на свои пальцы — они чуть дрожали. Он не знал, от злости или оттого, что внутри всё сжалось в тугой ком. А Лина стояла напротив и смотрела. И в этом взгляде было всё: и спокойствие, и тревога, и какая-то странная, почти материнская жалость. Марк не выдержал — отвернулся к окну. А она тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

Он остался один на один с портретом Киры на экране и собственной беспомощностью.

ГЛАВА 5

За окнами лило всю ночь — мерзко, настырно, барабаня по стёклам спальни так, что даже сквозь плотные шторы пробивался этот серый, неотвязный шум. К утру дождь стих, сменившись мелкой, едва заметной противной моросью,-пробирающей до костей.

Марк проснулся с тяжёлой головой и чувством, будто и не ложился. Вчерашний вечер затянулся: сначала документы, потом тревожные мысли, затем ещё одна чашка кофе, который уже не бодрил, а только разгонял сердце. Он выключил свет далеко за полночь, а под утро приснился какой-то дурацкий сон. Проснувшись, Марк долго смотрел в потолок, пытаясь вспомнить детали, но безуспешно. Осталось лишь ощущение тревоги — неясное, трудноуловимое, как едва различимый посторонний запах.

В офис он явился только к двенадцати. Позволил себе эту роскошь, хотя внутри уже грызло чувство вины: понедельник, начало недели, а он в домашней футболке, с чашкой остывшего кофе, смотрел на дождь за окном и думал, что надо было встать пораньше. Вчерашний день просто вымотал его. Вымотал так, что даже утренняя поблажка не вернула бодрости.

За рулём «мерседеса» он чувствовал себя роботом: движения автоматические, мысли где-то далеко. По логике, следовало ехать на броневике с охраной. Но с утра его не покидало упрямое, раздражающее чувство: казалось постыдным «праздновать труса», показывать страх перед кем бы то ни было — врагами, сотрудниками, да и перед самим собой. И он, наплевав на элементарный инстинкт самосохранения, прыгнул в свой мерс, небрежно отмахнувшись от бросившегося к нему охранника.

Стекло запотело, дворники мерно ползали по лобовому стеклу, разгоняя капли. В машине было тепло, но зябкое ощущение всё равно пробирало, будто воздух в салоне не прогревался до конца. Марк поёжился и неожиданно осознал, что осень, которую он всегда любил, теперь вызывает лишь глухое раздражение.

Офис встретил его привычной суетой. Секретарша — молодая красавица с модельной внешностью — мгновенно подскочила и затараторила про документы, звонки и пришедшего курьера. Как и всегда, Марк смотрел на неё удивляясь: что эта прелесть вообще делает в его приёмной? Такие идеальные дамочки, будто выведенные искусственно, всегда вызывали у него отторжение. Он вдоволь наобщался с подобным контингентом на светских раутах и прекрасно знал об ограниченности их кругозора.

Поэтому, когда Полина — так звали девушку — впервые пришла на собеседование, он даже не захотел с ней разговаривать, с ходу записав в когорту пустышек. Не дав вымолвить ни слова, небрежно бросил, что в её услугах не нуждается, и тут же попросил пригласить следующего кандидата. Так бы и ушла она не солоно хлебавши если б не Глеб. Обнаружив в коридоре тихо плачущую девушку, тот увёл её к себе, напоил чаем и разговорил. Полина оказалась на

редкость умной, сообразительной, а главное — с отличным профильным образованием. У неё были муж и пятилетний сын, но с работой катастрофически не везло, и главным проклятием стала именно внешность. Мужчины нанимали её с единственным желанием — в перспективе затащить в постель, а женщины-руководители отказывали сразу, опасаясь выглядеть бледной молью на её фоне. Полина сменила несколько компаний, но везде сценарий повторялся.

Глебу пришлось целый час буквально «сидеть на ушах» у Марка, пока тот согласился взять Полину на работу с трёхмесячным испытательным сроком, о чем впоследствии ни на секунду не пожалел. Полина оказалась не просто идеальным секретарём — она стала незаменимым личным помощником. Сейчас её оклад лишь немногим уступал зарплатам ведущих специалистов компании, а большинство посетителей жёлчно завидовали Градову.

Когда Полина закончила доклад, Марк коротко кивнул, попросил сделать крепкий кофе и прошёл к себе, плотно прикрыв дубовую дверь. Густой шум офиса отсекло мгновенно — звукоизоляция в кабинете была безупречной. Ни единого шороха извне. Только глубокая тишина и осенний дождь, стекающий по панорамному стеклу.

Он опустился в кожаное кресло, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Напряжённые выдались выходные. В голове всё ещё шумело: разговоры, лица, пугающие цифры анализов, решения, которые приходилось принимать на ходу. Теперь он понимал и даже завидовал тем, кто может в воскресенье вечером просто смотреть дурацкий сериал и не думать о том, что ждёт его с утра. А он уже не мог.

«Надо работать», — скользнула мысль. Он открыл глаза и посмотрел на стол. Ноутбук терпеливо ждал своего часа. Рядом лежала стопка бумаг: подписать, согласовать, отправить. Марк взял верхний лист, пробежался взглядом по строкам, но цифры не складывались в логичную картинку. Он отложил бумагу, потёр переносицу, крутанулся в кресле и уставился в окно.

За стеклом стояла серая пелена. Мокрые крыши, желтеющие листья деревьев, ещё недавно ярко-зелёные. Где-то там, внизу, текла обычная жизнь: люди спешили по своим делам, прятались под зонтами, кутались в воротники. А он сидел здесь, наверху, в кабинете с панорамным видом, и думал о том, что консалтинг — это, по сути, торговля временем. Люди платят ему за то, чтобы он думал за них. Решал их проблемы, находил выход из ситуаций, которых они боятся. А сейчас нужно было думать о собственном положении, которое вдруг оказалось пугающе запутанным.

Он усмехнулся своим мыслям, отодвинул бумаги и разблокировал экран ноутбука. Почта — тридцать новых писем. Утренние звонки — пять пропущенных. Ещё встреча через два часа, которую он совершенно не помнил, когда назначал. Всё как всегда.

Марк взял чашку с остывшим кофе, который секретарша принесла полчаса назад, и залпом допил его, даже не поморщившись. Вкуса не было. Только привычная горечь легла на язык.

Он открыл первое письмо и начал работать. Цифры, показатели, отчёты, прогнозы. Всё это было его стихией —— тем, что он умел лучше всего. Но сегодня дело не шло. Мысли упрямо возвращались ко вчерашнему: к Глебу, к этой странной девушке Кире, к случившемуся в клубе. К тому, что Лина сказала перед сном: «Разберись, Марк».

Он снова откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Разберись, — повторил он шёпотом, ощущая, как это слово тяжелеет в воздухе. — А как? С чего начинать?

Марк окончательно сдался и оставил попытки сосредоточиться. Он нажал клавишу на сером аппарате селектора. Кнопка отозвалась мягким щелчком, а затем раздался ровный голос секретарши.

— Слушаю, Марк Николаевич.

— Поля, Рудин сегодня появлялся? — он старался говорить обычным тоном, и ему показалось, что это отлично удалось.

Удалось скрыть раздражение, не показать раздирающие его эмоции. Но пауза, которая последовала за вопросом, говорила об обратном. Ни черта ему не удалось. И голос на том конце провода, обычно бодрый и приветливый, прозвучал натянуто и осторожно:

— Нет, Марк Николаевич. Глеба Леонидовича сегодня ещё не было.

Он буркнул что-то нечленораздельное, убрал палец с кнопки переговорного устройства и тихо чертыхнулся.

Звонить другу на мобильный Марк принципиально не хотел. Мало ли, вдруг там всё ещё продолжается это загадочное свидание, о котором он так туманно обмолвился вчера. Портить Глебу личную жизнь, когда у него впервые за столько лет намечалось что-то серьёзное, Марк не собирался. Он решил просто дождаться, когда Глеб объявится сам. Он умел ждать — пожалуй, это было единственное, чему он по-настоящему хорошо научился в детстве.

Коротко выдохнув, Марк снова нажал кнопку селектора и постарался придать голосу привычную бодрость:

— Поля, вызови ко мне Колесникова.

Через пару минут в кабинет вошёл заместитель. Молодой человек выглядел, как модель с обложки дорогого журнала. Безупречно, волосок к волоску, подстриженный по последней моде, в дорогом костюме от итальянского портного и с часами, которые говорили о статусе больше любых слов.

Колесников работал на Градова уже два года. Амбициозный, с явными претензиями на лидерство и широкие полномочия. Голова у него работала прекрасно: цепко, быстро, аналитично. При других обстоятельствах Колесников вполне мог бы потянуть собственное крупное дело. Но он попал в крайне неудачное, жёсткое время — свободные ниши в крупном консалтинге давно заняли матёрые игроки. Впрочем, и общая обстановка сейчас не располагала к тому, чтобы начинать что-то с нуля. Любой серьёзный бизнес в России находился под колоссальным давлением санкций, риски зашкаливали, и у одиночки без административного ресурса шансов практически не оставалось.

Как человек, заместитель Марку категорически не нравился. Слишком много в этом парне было пустой столичной спеси, гонора и необоснованных амбиций. Он смотрел на Градова с той особенной смесью подобострастия и скрытого превосходства, которая не требовала слов. Всё читалось в жестах, в том, как он чуть заметно вскидывал бровь, когда Марк говорил о чём-то «нестоличном». «Я коренной», — кричала его поза, хотя вслух он этого никогда не произносил. Словно само это определение — «коренной москвич» — давало ему негласные привилегии, а они, приезжие, должны были знать своё место. Марк таких людей не любил. Слишком часто он видел этот взгляд, транслирующий уверенность в своей исключительности лишь потому, что человек родился в нужном месте в нужное время. И слишком хорошо знал, что за этим высокомерием чаще всего скрывается пустота. Но как работник Колесников устраивал его более чем. И Градов не скупился: платил ему такую зарплату, какая в других местах сотрудникам на аналогичных должностях и не снилась. Он умел ценить хороших специалистов и не замечать в них того, что не мешает делу.

Коротким, резким движением Марк толкнул через весь стол стопку документов прямо к рукам зама:

— Разберитесь со всем этим, Олег Валентинович. Бумаги по сделкам нужно закрыть к вечеру.

Колесников откровенно удивился. На его холёном лице на секунду проступило недоумение: он не помнил случая, чтобы шеф отказался работать с текущими документами. Обычно Градов вникал в каждую цифру, каждую запятую. А тут — отодвинул, даже не взглянув.

Но выяснять причины он не стал. При всём своём снобизме Олег чётко соблюдал субординацию — знал своё место, даже если очень хотел подняться выше. К тому же он был трусоват, хотя и старательно прятал трусость за невозмутимой маской и холодным взглядом. Марк видел,

как Колесников замирает на долю секунды, стоит ему повысить голос. Взрывного начальника, который не стеснялся в выражениях и наказаниях, если что-то шло не так, заместитель явно побаивался. Поэтому и сейчас не рискнул спросить, в чём дело. Молча сгрёб бумаги со стола, церемонно кивнул и удалился так же бесшумно, как и вошёл. Только дорогие ботинки чуть скрипнули на паркете, да дверь со встроенными доводчиками закрылась с мягким звуком.

Буквально через минуту в кабинет ввалился Глеб. Он размашистым движением скинул на журнальный столик промокшую куртку — кожа с противным сырым звуком шлепнулась на деревянную поверхность — и тяжело опустился в кресло. Устало вытянув ноги, Рудин прикрыл глаза от удовольствия. Марк неодобрительно взглянул на стол, посреди которого теперь красовалось мокрое безобразие, и мрачно поинтересовался:

— И где тебя носило? Свидание затянулось?

Глеб лишь нагло ухмыльнулся. Растёр лицо широкими ладонями — тускло блеснул узкий перстень, который он носил ещё со времён лихой ростовской юности.

— Хорош гундеть. Какое, к чёрту, свидание? Я с шести утра на ногах, вообще-то. — Он хрустнул шеей, разминая затёкшие мускулы. — Занимаюсь нашими проблемами.

— И как, успешно? — подозрительно прищурился Марк, хотя в глубине души почувствовал: друг пришёл не с пустыми руками.

— Я приставил хвост к твоей Кире, — Глеб довольно оскалился. — И через свои каналы нашёл надёжного информатора прямо внутри её «Союз-Финанса».

Марк подался вперёд, опёршись локтями о стол, и слушал.

— Я на дурака позвонил районным операм — спросил, не светился ли у них кто-нибудь из этой конторы. И прямо в яблочко попал. Там один мелкий айтишник работает, пацан совсем. Попался ментам за мелкое нарушение: колёса у барыги на корпоратив прикупил, дурачок — ну и угодил под рейд. Откупился, правда, но протокол в базе остался. — Глеб усмехнулся, и в этой усмешке сквозило недоброе, почти жестокое удовольствие. — Короче, я его вечерком у дома перехвачу и побеседую. Теперь у нас будут свои постоянные глаза и уши там, где обитает Кира. Будем знать каждый её чих.

Марк нарочито демонстративно закатил глаза, показывая, что его мало интересует эта девчонка, но на самом деле был чертовски доволен. Друг без лишних напоминаний, по собственной инициативе начал распутывать эту головоломку. В груди разлилось тёплое удовлетворение, которое он предпочёл скрыть, и лишь коротко бросил:

— Молодчик.

Глеб фыркнул. В похвале он не нуждался — ему важно было показать дело.

Марк поднялся, прошёлся по кабинету и остановился напротив друга:

— Ладно, сыщик, слушай, что Лина думает о наших приключениях.

Он подробно пересказал Глебу ночной разговор: как Лина отчитала его, как разложила всё по полочкам — про деньги, про инсценировку с психотропами, про то, что убивать его никто не планировал. И как сам он понял, что Лина абсолютно права.

Глеб слушал не перебивая, лишь изредка хмурился и качал головой

— Ну, Аделина Витальевна… — протянул он с искренним восхищением. — Сильна мать! Я всегда поражался её мозгам и железной логике. Она ведь умудряется подмечать то, что нам с тобой и в голову не придёт. Думаю, она права, Марк. Сто пудов права.

Он замолчал, но ненадолго. Подавшись вперёд и уперев ладони в колени, он посмотрел на Градова в упор:

— А теперь, Марк, я буду тебя больно лаять за твои выкрутасы. Расслабился? Раз грохнуть не хотят — значит можно на безопасность положить?

Он выдержал паузу, давая словам осесть.

— Я пригнал на парковку оба наших броневика. И требую, чтобы ты передвигался только на «гелендвагене». Даже если эти твари планируют просто похитить тебя, в этой тачке можно

наглухо заблокировать двери и выдержать любой штурм. И от снайпера броня спасёт, если у них вдруг концепция изменится. А твой мерс — консервная банка. Его из рогатки пробить можно.

Глеб тяжело перевёл дыхание и добавил, не терпя возражений:

— И ещё: я организовал полную смену личной охраны. Парни уже на паркинге дежурят. Без них — ни одной поездки, Марк. Так будет, пока мы эту гниду не вычислим. Понял меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.